

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Branch of the Military Academy of Communications in Krasnodar
Tashkent Islamic University
Penza State University

CULTURE, CIVILIZATION, SOCIETY: PARADIGMS OF RESEARCH AND TRENDS IN INTERACTION

Materials of the II international scientific conference
on April 28–29, 2016

Prague
2016

Culture, civilization, society: paradigms of research and trends in interaction : materials of the II international scientific conference on April 28–29, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 60 p. – ISBN 978-80-7526-100-7

ORGANISING COMMITTEE:

Nicholay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor of Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

Viktor V. Kondrashin, doctor of historical sciences, professor of Penza State University.

Lyudmila V. Kotenko, doctor of pedagogical sciences, professor, senior researcher at the Military Academy of Communications, branch in Krasnodar.

Natalia M. Kishlakova, candidate of philosophical sciences, assistant professor (Moscow, Russia).

Umidjon R. Kushaev, PhD, senior researcher applicant of Tashkent Islamic University.

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of culture, civilization and society. Some articles deal with questions of prospects of development of culture. A number of articles are covered dialectics of national and universal culture. Authors are also interested in dialogue among cultures and civilizations in the 21st century.

UDC 101.1:316+93/94

ISBN 978-80-7526-100-7

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2016.

© Group of authors, 2016.

CONTENTS

I. PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CULTURE: APPROACHES AND TRENDS

- Костяев А. И.**
Консервативная революция смыслов5
- Санников С. В.**
Эволюция политического дискурса как реализация принципа
семиотического ослабления признака.....8
- Свириденко И. Н., Сугулова Е. Н.**
Приоритеты реализации государственной политики в сфере охраны
объектов культурного наследия в Оренбургской области 13

II. DIALECTICS OF NATIONAL AND UNIVERSAL CULTURE

- Зайнобидинова Н. И.**
Ақл ва ахлоқ масалаларининг Жалолиддин Румий ижодида
ёритилиши 18
- Смирнова А. Н., Матвеев К. А., Профьев А. Д., Шаткова М. Д.**
Культурно-исторический подход к вопросу о стилях произношения
в английском языке 20

III. THE MAIN DIRECTIONS OF THE GLOBALIZATION OF CULTURE

- Магомедова П. М.**
Жилищные поселения в Дагестане во второй половине XIX века 27

IV. RELIGIOUS DETERMINANTS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVILIZATIONS

- Покотилова Т. Е.**
Православная философия помощи и судьба России 30

V. FEATURES INTENSIFICATION OF INTERACTION OF EASTERN AND WESTERN CIVILIZATIONS IN THE MODERN WORLD

Куликова Е. А.

Специфика российской цивилизации как пограничной в междивизиционном диалоге Востока и Запада.....34

VI. IMPORTANT ISSUES OF DIALOGUE AMONG CULTURES AND CIVILIZATIONS IN THE 21ST CENTURY

Игнатенко О. П., Кудрявцева И. И.

Формирование поликультурной личности на занятиях русского языка как иностранного.....38

Кузьмина Р. П.

О родовом составе ламунхинских эвенов41

Маркина К. Н.

Этническая идентичность и толерантность: взаимосвязь феноменов в педагогической практике45

Тиханычев О. В., Тиханычева Е. О.

Об учёте фактора рисков в моделях социально-этнических систем47

VII. THE SPHERE OF THE CORPORATE CULTURE: PRINCIPLES AND MODERN TRENDS

Сухих С. А., Гурьев А. С.

Роль физической культуры и спорта в формировании корпоративной идентичности компании51

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году55

Информация о научных журналах 57

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 58

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 59

I. PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CULTURE: APPROACHES AND TRENDS

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СМЫСЛОВ

А. И. Костяев

*Кандидат философских наук,
Московский губернский
колледж искусств,
г. Химки, Московская область, Россия*

Summary. In article modern Russian conservatism and its place in culture is analyzed. In detail conservatism forms, his shortcomings and advantages understand. The extensive actual material concerning practical conservatism is built.

Keywords: conservatism; liberalism; sense; revolution; culture; Russia.

Культура консервативна по определению. Она способна ограничивать, сдерживать человека. Власть культуры в XXI веке усиливается. Парадокс заключается в том, что идея консерватизма возникла в условиях, когда сверхкультурность (термин Н. А. Бердяева) была представлена узким слоем, а недокультурность относились к большинству населения. Русский консерватизм оказал влияние на становление либерализма, без чего последний мог распасться на множество прогрессистских идей.

Любая идея есть определенным образом сформированный культурный смысл, и консерватизм в этом отношении – не исключение. Консерватизм направлен «против» революции. Таков устойчивый миф в массовом сознании, наследие советской идеологии. Ведь он не может существовать без серьезных преобразований. Самодостаточность идеи консерватизма определяет способность к преобразованию, преимущественно за счет внутренних ресурсов.

Появлению человека консервативного предшествует обособление отдельных блоков культуры, асинхронность их развития. Усредненность культуры не делает идею консерватизма более доступной. Смыслы, защищаемые консерваторами, выражают их отношение не только к прошлому, но и к будущему [2, с. 15]. Это делает их уязвимыми для критики. По мнению некоторых авторов, консерватизм по смыслу близок к имперскому проекту [1, с. 327].

Понятие «консервативное будущее» производно от понятия «консервативная революция» провозглашенного В. В. Путина в декабре 2013. Содержит в свернутом виде всю историю культуры, и это общее свойство любого смысла. Новый мировой тренд это запрос на консерватизм. Основ-

ными чертами новой консервативной политики России является приверженность традиционным ценностям, рациональность и последовательность. Этим консервативное будущее для России отличается от американского консерватизма и немецкого консерватизма.

Проблемный анализ консервативного будущего начинается с обозначения рубежей: травма 1991 года – испытания 1993, 1998 и 2008 годов, а также новый президентский цикл, начиная с 2018 года. Как любое сложное явление российский консерватизм связан с переменами определенного рода. В СМИ этот тренд оформился в смыслы темы: крах единой Европы, кризис мультикультурализма, неизбежность дефолта в США. Часто консерватизм опирается на сакральные тексты. Майские (2012) указы президента превратились в некие сакральные тексты для чиновников.

Убежденный консерватор считает, что его взгляды необходимо принимать полностью, всем существом. Иначе: смысл консерватизма зависит не только от объема соответствующего понятия, но и от смысловых ассоциаций. Топология российского консерватизма есть вертикаль. Она идет сверху – вниз. Горизонталь неразвита. Поэтому вертикаль и горизонталь недостаточно состыкованы. Многообразии вертикалей в постсоветской России: от очередного небоскреба – до нефтяной вышки. Цвет российского консерватизма – синий. В модном тренде глубокие синие, кобальтовые тона. Потеряли свой цвет красные дипломы. Бланк приложения приобрел сине-голубой цвет с розовыми вкраплениями. Синий цвет присутствует в форме российских олимпийцев.

Эталонная формула нового российского консерватизма может быть представлена в виде: $K = (Д, Е, О, П \dots)$ где K – консерватизм, $Д$ – доверие, $Е$ – единство, $О$ – ответственность, $П$ – порядок. Единство предполагает разумное ограничение свободы. Отсутствие какого-либо члена составляющего формулу есть по существу искажение смысла консерватизма. Смысловую цепочку в формуле можно продолжить. По мере необходимости провести замену смыслов. Переменные величины, вводимые при расчете консервативных настроений в обществе это: старение населения; усталость от либеральных реформ 90-х; изменение формы народной памяти, которая в большей степени становится женской; усиление мемориальной функции культуры.

Практический аспект проблемы российского консерватизма складывается из решений, за которыми прослеживается четкая логика. В России возрождаются «потешные» полки. В 2013 году двум воинским частям (154-й отдельный комендантский полк, 130-я отдельная мотострелковая бригада) присвоены наименования соответственно Преображенского и Семеновского полков. Разработаны геральдические символы для боевых знамен, нагрудных знаков и элементов формы одежды. В связи с несоответствием международным требованиям были закрыты гауптвахты. Теперь решено возобновить их деятельность. В 2013 году на территории России

функционировало более десяти гауптвахт. Консервативное большинство в Законодательном собрании Санкт-Петербурга поддержало традицию полуденного звона Исаакиевского колокола, восходящую к 1252 году.

Некоторые выводы.

Специфику российского консерватизма можно объяснить исходя из ее принадлежности к смысловому пространству культуры. Консервативное сознание в становлении и развитии отечественной культуры играет роль стабилизирующего фактора. В научной дискуссии периодически поднимается вопрос трактовки культуры на базе понятия «консерватизм». Оставляя этот вопрос для дальнейшего, последующего изучения, следует заметить что вариант «консервативного типа культуры» в принципе возможен. В XXI веке возобновлен такой подход к консерватизму, когда самопрезентация становится более важным, чем понимание. Целью практического консерватизма оказывается «выброс» смыслов во вне апелляции к чувствам и эмоциям. Исчерпывающе определить российский консерватизм не возможно. Он самоопределяет себя набором проблем и судьбой выдающихся представителей. Революционная сила российского консерватизма заключается в способности отделить от себя устаревшие, ложные, искаженные формы. При этом образуется мощная переходная зона между консерватизмом и либерализмом. Истинный консерватизм оценивает культуру не как средство, а как основу своего существования.

Библиографический список

1. Пелипенко А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. – М. : МГУКИ, 2007. – 434 с.
2. Ячин С. Е., Конанчук Д. В., Поповкин А. В., Буланенко М. Е. Дао и телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа. – М. : ИНФРА – М., 2012. – 324 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СЕМИОТИЧЕСКОГО ОСЛАБЛЕНИЯ ПРИЗНАКА

С. В. Санников

*Кандидат исторических наук,
Сибирский институт международных
отношений и регионоведения,
г. Новосибирск, Россия*

Summary. The article considers inversion of the principle of semiotic weakening of feature within evolution of political discourse. This inversion forms an empirical anomaly within a hypothesis of semiotics weakening of a sign as a general trend of cultural development. The author comes to a conclusion that the revealed inversion does not break a protective belt of the research program, and explains this anomaly by means of an auxiliary hypothesis of existence of specific semiotic principles operating within semantic (symbolical) type of culture.

Keywords: cultural evolution; semiotics of power; social evolution; semiotic weakening of feature; discourse of power.

Закон ослабления признака, сформулированный в работах Ю. С. Степанова [6] и С. Г. Проскурина [3], отражает семиотический принцип развития культурных феноменов от «сильного символа к слабому, а затем и к совсем слабому» [3, с. 106]. Данная семиотическая закономерность подтверждается материалом многочисленных лингвистических, юридических и культурологических исследований, опирающихся на широкий эмпирический материал [3].

Эволюция правовых институтов путем ослабления сильного семиотического действия (физического аспекта) в пользу ослабленного семиотического действия (символической, знаковой составляющей), на наш взгляд, достоверно фиксируется на материале источников. В частности, следуя предложенной автором триаде «тождество – подобие – условность» можно выделить на материале архаического права три эволюционных фазы в формировании процедур разрешения конфликта:

1. Биологически полная релевантность: схватка как реализация «естественного права» на самозащиту, свойственного в равной мере миру животных и людей.

2. Биологически частичная релевантность: судебный поединок (широко известный из древнегерманского права «божий суд») – регламентированная форма поединка, в которой конкуренты не только связаны правилами ведения боя, но уже могут выставлять вместо себя своих представителей, обеспечивая, таким образом, «ослабление» знака в семиотическом контексте.

3. Биологическая нерелевантность (условность) – древнеримский легисакционный процесс как эволюционный рудимент судебного поединка, сохранивший символические действия по возложению соперниками заостренных жезлов (изначально – копий) на объект их притязания. Поединок

на данном этапе полностью переходит в сферу семиотическую, но сохранение элементов вооруженного противостояния (копий, жезлов), тем не менее, по-прежнему необходимо для совершения ритуала отправления правосудия.

Определенные затруднения возникают при попытке верификации семиотического принципа ослабления признака при изучении эволюции дискурса власти в рамках семантического типа культуры [5]. В частности, в отдельных случаях представляется затруднительным проследить реализацию описанного в работе С. Г. Проскурина принципа «падения кары» [3] на материале средневекового законодательства о преступлениях против институтов публичной власти. В ряде случаев семиотическая сила действий, устанавливаемых в качестве меры ответственности за преступления, совершенные против носителей публичной власти, возрастает в рамках процесса социальной эволюции, что может быть интерпретировано в качестве эмпирической аномалии по отношению к гипотезе о семиотическом «падении кар» в рамках эволюции правовых институтов.

Так, если в наиболее раннем англосаксонском памятнике обычного права, законах короля Этельберта, содержится норма, устанавливающая ответственность в форме уплаты штрафа за совершение преступления в доме, в котором пирует король, то в более позднем кодексе короля Альфреда предусмотрена уже более суровая санкция за подобное преступление, вплоть до смертной казни, на усмотрение короля [4, с. 85]. Если в соответствии с древнегерманской традицией оскорбление, нанесенное правителю, рассматривалось в том же судебном порядке, что и оскорбление, нанесенное рядовому члену общины, предполагая материальную ответственность обвиняемого, то в средневековом итальянском королевстве лангобардов за нанесение оскорбления королю в отношении обвиняемого могли применяться санкции, допускавшие нанесение тяжких увечий и осуществление физической расправы [4, с. 86].

Таким образом, при рассмотрении процесса эволюции правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений против публичной власти, прослеживается обратная тенденция – от ослабленного семиотического признака к восстановлению тождества знака и действия (от судебного присуждения материальной выплаты к нанесению физических увечий и объявлению вне закона). Для уточнения причин развития данной тенденции необходимо более детально проанализировать характеристики эволюции публичной власти в качестве семиотического процесса.

Анализ семиотических составляющих ранних форм публичной власти, соответствующих «харизматическому» типу господства (по классификации М. Вебера [1]), позволяет отметить их сопряженность с формированием комплекса знаков, репрезентативом которых выступают соматические и психосоматические качества носителя власти. Политический дискурс формируется с использованием знаков-оповещений, обусловленных

физическими и психологическими характеристиками носителя власти, через экспликацию специфических стигматов, символизирующих отличие носителя власти от рядового члена общества. Такими знаками, например, выступают длинные волосы представителей правящего рода Меровингов, острижение которых считалось действием, лишившим претендента на престол харизмы и возможности принять королевскую власть, что воспринималось как достаточно драматичное по своему значению событие. При этом право наследования власти возвращалось к претенденту на престол после того, как волосы отрастали снова. Физические характеристики правителя, таким образом, наделялись функцией знака, структура которого не допускала значительной операционности (власть не могла быть отделена от ее носителя, также как волосы не могли быть отделены от тела без утраты своего символического значения). Это свидетельствует о непреодолимом характере связи между явлением и его семиотической проекцией, что подтверждает сильный характер рассматриваемого семиотического признака.

На данном этапе эволюции публичной власти прослеживается действие ряда других семиотических закономерностей, в частности, подтверждение тезиса о том, что «в естественных знаковых системах человека существует семантическая связь между микрокосмом (органами тела человека и его внутренним, духовным миром) и макрокосмом (Землей, небом, светилами)» [6]. Обряд наделяния властью отражает данную семантическую связь, когда само понятие «вознесения во власть» материализуется в иконическом знаке – ритуале поднятия правителя на щит (семантического возвышения) над головами присутствующих. Рассматриваемый принцип семантической связи прослеживается и в архаическом наименовании правителя, который в средневековой скандинавской лексике получает наименование *hofding*, этимологически восходящее к германскому *hof*, *haupt* – «голова» [2, с. 451]. Данный титул приобретает характер иконического знака, демонстрирующего верховенство правителя над членами общества, подобное анатомическому верховенству головы над членами тела.

Харизма короля опирается на знаки (различного рода ауспиции, стигматы), и одновременно с этим сама начинает функционировать в качестве знака в нескольких знаковых системах (военной, религиозной и др.). Окружение ожидает от лидера военных побед, материальных благ, плодородия земли, что сопровождается возрастающей потребностью в репликации знака, возможности ослабления его физиологической релевантности. На данном этапе эволюции института публичной власти проявляются признаки операционности знака – как правило, в форме представлений о передаче харизмы через вещи правителя (передаваемые в рамках символической редистрибуции). Дистанция между социальным запросом в отношении возможности репликации знака и уровнем его реальной операционности, замкнутой в физиологических рамках, проявляется в известных из скандинавской истории «варварских» ритуалах расчленения тела правите-

ля после его смерти с целью справедливого распределения харизмы между различными территориями его страны.

Одновременно с усложнением структуры социума и потребностью в институционализации полномочий правителя развивается и система экстрасоматических составляющих харизмы, формирующих своеобразный дискурс, включающий широкий набор знаков (печать, монограмма, изображение на медальоне или монете, церемониальная одежда, ритуальные пространства и т. д.). Происходит формирование новой семиотической системы, основанной на репрезентации власти, сопровождающееся постепенным ослаблением биологической релевантности актов ее отправления. Если вновь обратиться к терминологии М. Вебера, наполняя ее семиотическим контекстом, можно сделать вывод о том, что переход от харизматического типа господства к традиционному (прежде всего, патриархальному) типу сопровождается постепенным отделением феномена власти от ее физического носителя, т.е. объектом почитания становится не столько харизма конкретного лидера, сколько сам институт власти.

Ситуации, при которых власть может осуществляться вне присутствия самого носителя власти (например, когда уполномоченное лицо действует «именем короля») приобретают системный характер. Семиотическая составляющая власти правителя усиливается, что находит выражение в развитии ряда специфических правовых концептов, подобных понятию т. н. «королевского мира», т.е. специфического правового режима, который распространяется не только на личность, но и на территорию, на которой находится король. Правитель исполняет функцию семиотического медиатора (символического посредника в ситуации конфликта), обеспечивающего ослабление биологических аспектов акта отправления правосудия, что подтверждается его правом на получение части выплаты (штрафа в пользу правителя как носителя и гаранта «королевского мира») со стороны осужденного.

Параллельно с этим фиксируется усиление биологической релевантности (от нанесения физических увечий до причинения смерти) мер ответственности за преступления, направленные против правителя и его полномочий, которые в семиотическом плане представляют собой нарушение семантических связей формирующегося политического дискурса. Это позволяет предположить следующую семиотическую закономерность, действующую в рамках семантического (символического) типа культуры: степень биологической релевантности политического знака, обладающая отрицательной корреляцией со степенью операционности данного знака, прямо пропорциональна степени семиотической дискретности мер правовой ответственности, направленных на сохранение семантической целостности данного знака.

Выявленная закономерность находит подтверждение при рассмотрении следующего в эволюционном ряду патримониального типа господства, в рамках которого получает развитие правовая доктрина «преступного

умаления величия» (*crimen laese maiestatis*). Для данной доктрины характерен максимальный уровень абстракции, когда преступление может совершаться не против биологического носителя власти, но против знака (например, осквернение изображения императора или подделка монеты), что рассматривается как умаление величия власти и влечет за собой столь же тяжелые правовые последствия для обвиняемого. Таким образом, выявленная инверсия принципа семиотического ослабления признака, представляющая в рамках принятой исследовательской программы эмпирическую аномалию, не выходит за рамки защитного пояса, и объясняется нами с помощью вспомогательной гипотезы о наличии специфических семиотических закономерностей, действующих в рамках семантического (символического) типа культуры.

Библиографический список

1. Вебер М. Типы господства. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (дата обращения: 03.04.2016).
2. Левицкий В. В. Семасиология. Винница, 2006. – 512 с.
3. Проскурин С. Г. Эволюция права в свете семиотики // Вопросы филологии. – М., 2010. – № 3. – С. 106–111.
4. Санников С. В. Развитие представлений о преступлениях против королевской власти в раннесредневековой германской правовой культуре // SCHOLE (СХОЛЭ). Т. 4. Вып. 1. Новосибирск, 2010. – С. 78–100.
5. Санников С. В. Семиозис власти в семантическом типе культуры: методологические пролегомены // SCHOLE (СХОЛЭ). Т. 8. Вып. 2. – Новосибирск, 2014. – С. 378–398.
6. Степанов Ю. С. Семиотика. – М., 1971. – 167 с.

ПРИОРИТЕТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

И. Н. Свириденко,

*Кандидат философских наук, доцент,
Оренбургский государственный аграрный
университет, г. Оренбург, Россия*

Е. Н. Сутулова

*учитель,
Роцинский филиал,
Гамалеевская средняя
общеобразовательная школа № 2,
Сорочинский городской округ,
Оренбургская область, Россия*

Summary. The authors consider the main priorities of state policy in the sphere of protection of cultural heritage in the Orenburg region.

Keywords: culture; cultural heritage; archaeological sites; museums; historical past.

Оренбуржье обладает огромным потенциалом самобытных и ярких памятников истории и культуры.

По решению Министерства культуры Российской Федерации Оренбургская область включена в пилотный проект по развитию системы учета сведений об объектах культурного наследия народов Российской Федерации. Проект реализуется в рамках исполнения поручения Президента Российской Федерации В. В. Путина от 5 января 2013 года № Пр-16.

Участие в проекте позволит ускорить процедуру регистрации объектов культурного наследия, усовершенствовать систему их учета в Едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации, способствует популяризации и сохранению историко-культурного наследия Оренбуржья. В настоящее время в реестре зарегистрировано 48 памятников истории и культуры.

В целях исполнения поручений Президента Российской Федерации в 2012 году утверждены постановлениями Правительства Оренбургской области 56 охранных зон памятников истории и культуры.

В соответствии со ст. 9.3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» и ст.ст. 14, 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», к полномочиям органов местного самоуправления относятся сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в муниципальной собственности [1]. Кроме того, необходимо отметить, что отвод земельных участков под хозяйственное освоение необходимо согласовывать с министерством.

Также в соответствии со ст. 6 Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», в местах, где рас-

положены воинские захоронения (являющиеся объектами культурного наследия), органами местного самоуправления устанавливаются охранные зоны и зоны охраняемого природного ландшафта в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации. В Оренбургской области в настоящее время учтены 162 воинских захоронений времен Гражданской войны и 13 – периода Великой Отечественной войны. Данные мемориалы являются объектами культурного наследия [2].

В связи с этим, одним из основных приоритетов реализации государственной политики в сфере охраны объектов культурного наследия на региональном уровне является координация деятельности органов местного самоуправления по планированию и разработке проектов зон охраны объектов культурного наследия – братских могил и воинских захоронений. Вместе с тем, органам местного самоуправления необходимо предусмотреть средства на проведение государственной историко-культурной экспертизы проектной документации.

В 2012–2014 годах министерством проведены 39 плановых и 33 внеплановые проверки собственников и пользователей объектов культурного наследия. Нарушения выражались, в основном, в несоблюдении собственниками и пользователями обязанности по содержанию в надлежащем состоянии объектов культурного наследия. В результате проверок, 9 юридических и физических лиц привлечены к административной ответственности. На основании запросов министерства правоохранительными органами возбуждены 4 уголовных дела.

По итогам проверки Федерального государственного унитарного предприятия «Государственное предприятие по реализации военного имущества» возбуждено дело об административном правонарушении и уголовное дело по факту хищения фрагмента кованного ограждения, являющегося предметом охраны объекта культурного наследия федерального значения (г. Оренбург, ул. Советская, 1).

Министерством культуры и внешних связей Оренбургской области приняты меры по пресечению нанесения ущерба объекту культурного наследия федерального значения «Каргалинские медные рудники». В феврале 2011 г. ОАО «Гайский горно-обогатительный комбинат» получил в ходе аукциона лицензию на право пользования недрами Максимовской площади в Оренбургской области. Арбитражным судом Оренбургской области аукцион и протокол аукциона были признаны недействительными.

В Оренбургской области в 2012 году была реализована ведомственная целевая программа «Культура Оренбуржья». Мероприятия программы были направлены на решения важнейших задач в сфере государственной охраны объектов культурного наследия: инвентаризацию и мониторинг памятников, проведение охранных раскопок, разработку проектов зон охраны, реставрацию и популяризация историко-культурного наследия. Все мероприятия исполнены в полном объеме.

На территории Оренбургской области министерством учтено 2167 объектов археологического наследия – одиночных курганов, курганных могильников и поселений. Из них 1280 памятников федерального значения и 887 выявленных объектов.

В последнее время в области участились грабительские раскопки так называемых «черных копателей», поэтому министерству приходится тесно сотрудничать с правоохранительными структурами. Определить состав уголовного правонарушения, связанного с уничтожением или повреждением памятника археологии, рядовому сотруднику УВД или прокуратуры крайне сложно. И уголовные дела об уничтожении или повреждении объектов археологического наследия работниками отделов внутренних дел воспринимаются как заведомо нераскрываемые преступления. Этому способствует ряд объективных причин: отсутствие свидетелей, сведений о точном времени преступления и похищенных вещах, специфика уголовно-процессуального законодательства.

В результате в 2012–2013 гг. в ОВД Сорочинского, Бугурусланского, Ташлинского, Курманаевского, Бузулукского районов Оренбургской области министерством были направлены заявления о повреждении в общей сложности 13 памятников археологии, на которые получены ответы о прекращении дела из-за отсутствия состава преступления. Основной аргумент – отсутствие на курганах информационных надписей; однако, необходимо отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 23.07.2013 № 245, информационные надписи в Российской Федерации на памятники археологии не устанавливаются (поскольку они и привлекают «черных копателей»).

Летом 2012 г. Институтом археологии Российской академии наук были проведены охранные раскопки в Илекском районе. Среди уникальных находок – бронзовый чайник; редкие нашивки на уздечку со штампованными изображениями в зверином стиле; сосуд, выполненный из мраморного оникса; единственная в Поволжье тарелка, покрытая гравировкой с изображением оленя и грифона; ожерелье из бусин и другие.

Также Оренбургским государственным педагогическим университетом за счет средств ГУ «Главное управление дорожного хозяйства Оренбургской области» у с. Малоюлдашево Красногвардейского района проведены раскопки древнего поселения. В ходе экспедиции найдены керамические, бронзовые и костяные изделия срубной культуры позднего бронзового века.

При участии ОАО «Оренбургнефть» и ООО «Битумная Евразийская компания» проведены спасательные археологические полевые работы в Переволоцком, Первомайском и Курманаевском районах.

Более 20 лет министерством совместно с Российским союзом молодежи и Оренбургским государственным педагогическим университетом проводится областной палаточный лагерь «Оренбургский археолог».

Еще одним приоритетным направлением реализации государственной политики в сфере охраны объектов культурного наследия на региональном уровне является политика в отношении музейного дела в Оренбургской области.

В соответствии с данными официальной статистики, представленными в справочнике Минкультуры России «Музеи Российской Федерации» в 2011 году в Оренбургской области насчитывалось 14 музеев, 12 из которых имели статус муниципального музея. В 2012 году, в ходе реализации мероприятий по совершенствованию музейной деятельности в Оренбургской области, образованы еще 14 самостоятельных муниципальных музеев. Остальные музеи находятся в составе муниципальных учреждений культуры.

Приоритетными направлениями также является: обеспечение для жителей области права на участие в культурной жизни и доступа к культурным ценностям, создание условий для повышения качества и разнообразия услуг, сохранение и популяризация культурного наследия, совершенствование организационных, экономических и правовых механизмов развития сферы культуры; обновление материально-технической базы учреждений культуры.

В сфере государственной охраны объектов культурного наследия реализация мероприятий министерства культуры направлена на сохранение и популяризацию культурного наследия Оренбургского края, проведение мониторинга памятников истории и культуры, их ремонт и реставрацию. В 2014 году завершены за счет средств федерального бюджета реставрационные работы на объекте культурного наследия федерального значения «Спасская церковь» в Саракташском районе, завершена реставрация объекта культурного наследия регионального значения «Церковь Александра Невского» в Грачевском районе.

Проведены мероприятия, посвященные увековечению памяти основателей, губернаторов и выдающихся граждан Оренбургской губернии.

Проведение Года культуры в 2014 году стало знаковым для повышения и укрепления роли, которую культура призвана играть в жизни нашего общества. 2014 год стал диалогом представителей органов власти, деятелей искусства и культуры, ученых, представителей общественности.

Сегодня в нашей области, как и по всей стране, велика неравномерность доступности культурных благ между сельскими и городскими жителями, и необходимы специальные меры, сглаживающие это неравенство. Сеть больших и малых многофункциональных культурных центров, использование интернета и мультимедийных технологий, должны работать на решение этой проблемы.

Особая роль должна возникнуть у библиотек нового типа, как центров интеллектуального досуга, площадок для восстановления сети детских кружков. Такие обновленные библиотеки должны стать местом, где

детям и подросткам помогают в подготовке школьных рефератов, обсуждают фильмы и книги, а старшему поколению оказывают информационную, консультативную помощь по самым разнообразным вопросам.

Таким образом, интеграция Оренбургской области в общероссийский и мировой культурный процесс обусловлена необходимостью сохранения национальной культурной идентичности. Реализацию приоритетных направлений развития государственной политики в сфере охраны объектов культурного наследия на региональном уровне невозможно без осуществления комплексной модернизации сферы культуры.

Библиографический список

1. Закон Оренбургской области «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Оренбургской области» от 22 – 25.08.2008 г.
2. Приказ министра культуры общественных и внешних связей Оренбургской области от 14.02.2012 № 42 «Об утверждении Административного регламента предоставления министерством культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области государственной услуги по выдаче разрешения на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия федерального и регионального значения».
3. Дьячков А. Н. Актуальные проблемы сохранения и использования памятников культуры // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – 1992. – С. 8–19.
4. Богданов С. В. Страницы истории Оренбургского краеведческого музея // Оренбургский край. – Оренбург, 1994. – Вып. 2. – С. 7.

II. DIALECTICS OF NATIONAL AND UNIVERSAL CULTURE

АҚЛ ВА АХЛОҚ МАСАЛАЛАРИНИНГ ЖАЛОЛИДДИН РУМИЙ ИЖОДИДА ЁРИТИЛИШИ

Н. И. Зайнобидинова

*Фалсафа фанлари номзоди,
катта ўқитувчи,
Наманган давлат университети,
Наманган, Ўзбекистон*

Summary. It was analyzed Djalaliddin Rumi's some thoughts about intellect and morality. Due to results, compatibility of intellect with morality is one of the important factors for spiritual development of the human.

Keywords: intellect; morality; mind; spirit; soul; spirituality; perfect.

“Ақл” ва “ахлоқ” тушунчалари бир қарашда оддий, бир-бирига жуда яқин ва ўхшашдек туюлади. Кўп ҳолларда биз “ахлоқли” сўзи билан “ақлли” деган сўзларни айнанлаштириб юборамиз, бирини ўрнига бирини қўллайверамиз. Аслида-чи? Аслида бу тушунчалар орасида анча фарқ бор.

Бу икки тушунчаларнинг луғавий маъноларига назар ташлайдиган бўлсак: “Ақл (лот. rationalis, юн. nus, fronesis, араб. Ал-ақл–асосланган, мақсадга мувофиқ) – инсоннинг маънавий-руҳий фаолиятида барча ашё-нарсалар, ҳодисаларни қандай бўлса айнан шундай ҳолда билиш қобилияти, мавҳум фикрлаш ва тушунчалар яратиш хусусияти. Ақл ва ақлий фаолият тушунчалари қадимги юнон фалсафасига бориб тақалади [1, б. 37].

Ахлоқ эса, (араб. хулқнинг кўплиги; лот. moralis – хулқ-атвор) – ижтимоий онг шаклларида бири. Кишиларнинг тарихан таркиб топган хулқ-атвори, юриш-туриши, ижтимоий ва шахсий ҳаётдаги ўзаро, шунингдек, жамиятга бўлган муносабатларини тартибга солиб турувчи барқарор, муайян норма ва қоидалар йиғиндиси [1, б. 35].

Тасаввуф таълимотида ақлнинг қобилияти фақат зоҳирий жараёнларни билишга хос эканлиги таъкидланади. Шарқнинг буюк мутасаввифларидан бири Жалолиддин Румий бу ҳақда шундай дейди: “Ақл баҳслари ҳукмрон даврда Умар ва Абдулҳаким сирдош эдилар. Аммо Умар ақл олаמידан жон оламига келгач, жон баҳсида Абдулҳаким Абу Жаҳл бўлди. Абу Жаҳл жонга нисбатан жоҳил бўлиш билан бирга ҳис ва ақл жиҳатидан комил эди. Ақл баҳси, билгинки, асар ёки сабабдир. Жон баҳси эса бутунлай ҳайратланарли нарса ҳисобланади” [2, б. 16].

Шайх ар – раис унвонини олган Абу али Ибн Сино, фалсафий қиссаларидан бири бўлган “Ҳайй ибн Яқзон”да ақлнинг “Фаол” ва

“Худбин” тоифаси ҳақида айтиб ўтади. Мавлоно Румий ҳам Ибн Сино каби ақлнинг “Кулли” ва “Жузъи” кўринишлари ҳақида фикр билдиради: “...Ақли жузъи сирга соҳибдек кўринса-да, аслида ишқни инкор этади. Малак ҳам йўқ бўлмагунча шайтондир. Ақли жузъи сўзда ва амалда бизнинг дўстимиздир. Аммо ҳол масаласига келганда “ҳеч” ва “йўқ”дан иборатдир; Жузъи ақлни ўзингга вазир қилма. Ақл-и куллини вазир қил, подшоҳим” [2, б. 17]. Румий фикрича ақл ва қалб уйғунлиги инсонни ҳақиқий маънавий камолотга эриштиради. Агар ақл қалб билан бирлашмас экан, бундай ақл фақат нафс ва хирсга берилиб унинг қулига айланади, бу дунё ҳою-хаваслари билан яшайди. Шунинг учун мутафаккир қалб билан бирлашмаган ақлни “Жузъи”, қалб билан бирлашган ақлни эса, “Кулли” ақл деб ҳисоблайди ва ҳар бир инсонни “Кулли” ақл эгаси бўлишга чорлайди: “Интил, ҳаракат қил-у ақл ва эътиқод пири бўл... Ақл ваъдасини эсда тутайди... унутувчанлик пардасини йиртади. Ақлинг бўлмадими, паришонлик сенга душманлик қилади, режаларингни бузади. Парвона ақли камлигидан ўзини ўтга уради, оловнинг куйдириши ҳаёлига ҳам келмайди. Қаноти ёниши билан тавба қилади, аммо хирс ва паришонлик уни яна ўтга отади. Бирор нарсени идрок этиш, англаш, эслаб қолиш ақлнинг вазифасидир... ақл буларнинг даражасини оширади; Бирор арра ақлни иккига ажратса, у оловдаги олтиндек яна кулиб туради. Ваҳима дунёни куйдирган фиръавнга, ақл жонларни мунаввар этган Ҳазрат Мусо (а.с.) га хосдир” [2, б. 18].

Ахлоқ масаласида ҳам Жалолиддин Румий жуда ўринли ва инсон қалбига кириб борувчи фикрларни баён эткан. Ахлоқ гўзаллиги борасида мутафаккир шундай бир ривоятни келтиради: “ Ҳазрат Мусо (а.с.) чўпонлик қилаётганида сурувдан бир қўй қочди. Ҳазрат Мусо (а.с.) югуриб уни қувлай бошлади. Чорикларини ечди, оёқларининг таги шишди, қаварди. Кечгача қўйни қидирди. Қўй кўздан йўқолди. Кейинроқ қўй ҳам чарчади. Ҳазрат Мусо (а.с.) уни ушлаб олди. Мехр билан қўйнинг бошини силади, онасидек эркалади. Заррача ҳам жаҳл қилмади, ғазабланмади. Фақатгина мехр кўрсатди, кўзларидан ёшлар оқди. “Менга-ку раҳминг келмади, ўзингга нега жабр қилдинг?”-деди. Шу лаҳзада Аллоҳ малакларга шундай деди: “Пайғамбарлик Ҳазрат Мусога ярашади”. Ҳазрат Мусо (а.с.) шундай марҳамат қилди: “Ҳамма пайғамбарлар болалиги ёки ёшлигида чўпонлик қилган. Чўпонлик қилиб синовдан ўтмасидан Аллоҳ уни йўлбошчи қилмайди. Ҳукмдорлар инсонларга чўпонлик қилар эканлар, Аллоҳнинг амрига итоат этмоқлари шарт. Сурувни бошқараётганда Ҳазрат Мусо (а.с.) сингари мулойим, хушфёъл бўлиши, ақл ва тадбир билан иш юритиши лозим. Шундай йўл тутса, Аллоҳ унга оининг тепасида, юксакликлар салтанатида руҳий чўпонликни беради. Пайғамбарларни ҳам бундай чўпонликдан қутқарган, уларга покиза, солих бандаларга чўпонлик қилишни буюргандир” [2, б. 14].

Юқоридаги фикрлардан хулоса қилиб “ақл” ва “ахлоқ” тушунчалари бир-биридан мутлақо айро эмаслигини англашимиз мумкин. Яъни жузъи ақлни эгаллаш билан чекланган инсонни ахлоқли бўлиши мушкулдир. Гўзал ахлоқ эгалари эса, ақл-и куллга эришган, ақли пок қалби билан бирлашган солиҳ бандалардир.

Библиографик рўйхат

1. Фалсафа энциклопедик луғат. Т. : “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти, 2010.
2. Сабоҳат Бозорова. Қалб кўзингни оч... Мавлоно Румийдан ҳикматлар. – Т. : Наврўз, 2015.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОПРОСУ О СТИЛЯХ ПРОИЗНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Н. Смирнова,
К. А. Матвеев,
А. Д. Профьев,
М. Д. Шаткова

*Кандидат филологических наук, доцент,
студенты,
Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, Ивановский филиал,
г. Иваново, Россия*

Summary. Styles of speech or pronunciation are those special forms of speech suited to the aim and the contents of the utterance, the circumstances of communication, the character of the audience, etc. Several different styles of pronunciation may be distinguished, although no generally accepted classification of styles of pronunciation has been worked out and the peculiarities of different styles have not yet been sufficiently investigated.

Keywords: pronunciation; pronunciation variants; pronunciation styles.

Проблема стилей произношения тесно связана с определением литературных норм английского языка и с культивированием Public School English. Многие лингвисты задаются вопросом, следует ли ориентироваться при определении норм литературного произношения на четкую, тщательную, медленную речь или же в основу определения орфоэпических норм надо класть повседневную, разговорную практику? До конца XIX века господствовала первая точка зрения. Со времени эпохи Возрождения, когда считалось, что буква тождественна со звуком и господствовал культ письма, полагали, что существуют лишь два вида произношения: правильное, опирающееся на письменный облик слова, и грубое, неграмотное произношение, быстрое и нечеткое. В 1531 г. Томас Эллиот писал: «Воспитательницы знатных детей должны говорить на чистом, изысканном английском языке, четко артикулируя, не опуская никаких букв или слогов» (Elliot, 1531.). В середине XVIII в. эта точка зрения получила широкое распространение и популяризировалась С. Джонсоном, который в 1755 г. кон-

статировал: «Английский, как и любой другой живой язык, имеет два произношения: одно беглое и небрежное, а другое правильное и полное достоинства» [9, с. 87].

Таким образом, считалось бесспорным, что только медленное, четкое произношение, по возможности базирующееся на правописании, является литературной нормой. Однако, как было показано выше, XX век ознаменовался коренным пересмотром старых концепций в отношении основных вопросов языкознания и, в частности, стилей произношения. Ученые исследовали исторически происхождение и развитие языков, появилась новая наука – фонетика. Постепенно лингвисты окончательно порывают с мнением, что буква тождественна звуку и начинают изучать объективно произношения, существующие в связной речи. Экспериментальные данные показали наличие многочисленных вариантов произношения отдельных фонем и их сочетаний в речи человека. Было обнаружено, что одно и то же слово может, в зависимости от условий его реализации, иметь целую гамму различных фонетических обликов в разнообразных фонетических контекстах.

В соответствии с новыми фактами, П. Пасси во Франции, В. Фиетор в Германии, Г. Свит и Д. Джоунз в Англии, Л. В. Щерба в России, стали разрабатывать классификацию стилей произношения.

Так, Д. Джоунз в 1907 г. различал три стиля: 1) при публичных выступлениях, 2) при чтении дома вслух, 3) при быстром разговоре. В 1949 г. Д. Джоунз выделял уже пять стилей произношения, 1) быстрый, непринужденный, 2) более медленный разговорный стиль, 3) естественный стиль обращения к широкой аудитории, 4) искусственный театральный стиль, 5) искусственно усвоенный стиль при пении [7, с. 94]. Стремление фонетистов разработать адекватную классификацию наблюдается и в настоящее время. Известно, что Дж. Уэллз считает продуктивным выделение специальных стилей чтения текстовых отрезков (Reading Passage Style – RPS) и чтения списка слов (Word-List Style – WLS) как промежуточных стилиевых разновидностей между официальным стилем (FS) и разговорным (Casual Style – CS) [8, с. 26].

Разработав классификацию стилей произношения, английские фонетисты, тем не менее, пришли к выводу (под влиянием основных лингвистических концепций XX века), что единственным стилем произношения, который подлежит практическому освоению, является быстрый разговорный стиль. Они считали, что он лишен «искусственности», присущей четкой, тщательной речи, и отражает традиционные нормы живого языка. Фонетисты начали борьбу с преподаванием тщательного произношения, а проблема комплексного изучения разных стилей произношения была отодвинута на задний план и практически осталась не изученной. Кроме того, положенные в основу норм литературного произношения варианты оказа-

лись более или менее произвольно выхваченными из речевого потока и поэтому в значительной степени эмпирическими.

Очень хорошо вскрыл недостатки нового подхода к литературному произношению Р. Бриджес. Он показал, что английские фонетисты злоупотребляли своим положением, стремясь навязать обществу несуществующие произносительные нормы. Он полагал, что обучение только разговорному стилю равносильно отказу от всех других стилей. Бриджес считал, что только естественное, подсознательное владение всеми вариантами произношения может привести к полному владению языком. Эта характеристика подкреплялась другим сравнением: «Если распространить систему Д. Джоунза на обучение детей письму, придется сначала сравнить все небрежные и сделанные в спешке написания представителей буржуазного класса и вывести из них преобладающие варианты написания букв в дегеративном виде. Из этих написаний мы составим каллиграфию стиля «Б» и будем утверждать, что он является традиционным, естественным результатом действия непреложного закона, апробированного «всеобщим употреблением». Этому образцу мы не станем обучать наших детей. Более тщательную каллиграфию мы назовем стилем «А» и объявим его принадлежностью учителей чистописания, указав, что особенности этого стиля являются «изменениями, невольно возникшими в результате более медленного написания или стремления писать более четко» [4].

Хорошо объясняет причины, приведшие к указанным установкам, немецкий лингвист Гейслер: «Тщательная речь считается искусственной, — пишет он. Этот предрассудок вытекает из путаницы между «естественным» и «обычным»... Современное языкознание недооценивает эту речь... Это вытекает из желания отказаться от прежнего пристрастия к ней. Из-за того, что прежние фонетисты не знали или не признавали разговорного языка, современные фонетисты стремятся сделать из него единственную правильную речь. Только обыденный разговор называется языком. Речь же оратора или поэта оказывается исключением. Естественной формой языка считают только массовую и повседневную речь, а более редкие и специальные виды речи объявляются произведениями искусства и, следовательно, искусственным [6, с. 191–192].

Как и в вопросе о влиянии правописания на произношение, фонетисты, стремясь отойти от неправильной концепции, что только медленная, тщательная речь является литературной, сосредоточили свое внимание на разговорном стиле и объявили медленную, тщательную речь искусственной. Это нашло отражение в авторских комментариях в предисловиях всех изданных в тот период орфоэпических словарей. Для правильного понимания орфоэпии необходима тесная координация всех стилей произношения, но для этого надо было теоретически обосновать их взаимосвязь.

Л. В. Щерба считал, что вне зависимости от того, как произносится в данный момент слово, говорящий и слушающий всегда имеют представле-

ние о его полном фонетическом облике. Наличие подобного представления и дает возможность в любой момент, при необходимости, произнести это слово четко, отчеканивая каждый слог. Случаи практического применения такого четкого произношения очень часты. Л. В. Щерба указывал, что каждое слово, как бы быстро оно ни произносилось, воспринимается не как усеченный комплекс, слышимый в данный момент, но как полное, четкое звучание, выявляемое при изолированном произношении этого слова или в медленной, тщательной речи [3, с. 341–342].

В другой работе, развивая дальше свой взгляд на разные стили произношения, Л. В. Щерба писал: «Речь наша не всегда одинакова: она изменяется в зависимости от того, к кому мы обращаемся, в каких условиях мы говорим, и с какой целью. Я буду иначе говорить с ребенком, чем со взрослым, иначе – обращаясь сразу к нескольким сотням лиц; одно дело делиться впечатлениями с товарищами, другое убеждать малознакомых людей в справедливости своих положений. Разные формы речи, приспособленные к разным целям и к разным социальным условиям, называют стилями речи.

Разные стили отличаются друг от друга не только лексически и синтаксически, но и фонетически» [2, с. 20–21]. Обучение языку Щерба рекомендует начинать с полного стиля, в котором обнаруживаются такие фонетические свойства слова, которые в условиях обыкновенной речи, так или иначе, скрадываются.

Вот как изображает Л. В. Щерба то, что может произойти с человеком, которому известен лишь разговорный вариант произношения: «Представим себе, что ребенок никогда не слышал отчетливого произношения слова «говорит», а слышал лишь формы /ger'it/ и /gr'it/, он легко может себе представить, на основании опыта со словом «мычит», что идеальная форма слова будет /гыг'it/, и если никто не поправит его соответственного отчетливого произношения, то он так и останется с «гырит» вместо «говорит», но если у него будет смутное воспоминание о «говорит», то сознание может колебаться, могут возникнуть две параллельные формы и т. п. Так, например, по-моему, у нас обе формы и «здравствуйте» и «здрасте» существуют в сознании, тогда как того же нельзя сказать про «говорит» и «грит», хотя это последнее зафиксировано даже в литературе; «грит» по крайней мере мной чувствуется как диалектизм» [2, с. 343].

Аналогично рассуждает Р. Чэпмен, исходя из фактов английского языка. «Язык избегает непонятности из-за насущной потребности быть понятым. Ораторы, учителя, торговцы и покупатели, деловые люди в шумных конторах и учреждениях всегда прибегают к отчетливой речи, когда замечают, что их не слышат. В многочисленных случаях гласные имеют полное звучание, которое показалось бы искусственным в обычной беседе. Вопрос «Что вы сказали: dee-scent или dis-sent?» не кажется смешным или странным. Хорошо сохраняются гласные при пении. И хотя слово particular

может в обычной речи звучать как /patikyuuule/ или /patikyele/, или даже /petikyule/, мы с несомненным удовлетворением и полным осознанием приемлем полное звучание этого слова в песенке («Did nothing in particular. And did it very well»)» [5, с. 33]. Полемизируя с Джоунзом, Чэпмэн указывает, что нечеткое произношение является искусственным отходом от разговорного стиля, а, наоборот, небрежное произношение является изменением, несомненно, произвольным, того, что мы воспринимаем как правильный и «полный» звук.

Нельзя сомневаться в том, что все стили произношения представляют собой необходимые и взаимосвязанные компоненты процесса речевого общения, естественные каждый в определенных условиях. Медленная, четкая речь, действительно, менее обычна, но это отнюдь не позволяет считать ее искусственной. Полный стиль произношения употребляется во многих случаях, когда разговорный стиль не может эффективно осуществлять функцию общения.

Владение полным стилем произношения позволяет легко схватывать различные усеченные формы слов, возникающие в быстром потоке речи. При употреблении разговорного стиля мы в любой момент, при первой необходимости, можем воспроизвести слово в полном стиле, т. е. произнести его четко, «фонетически идеально».

Увлечение фонетистов разговорным стилем привело к тому, что хорошо изученными оказались лишь усеченные формы, которые имели широкое распространение в повседневной речи. О полном же стиле произношения можно было получить лишь отрывочные сведения, включенные в некоторые словари, в кратких высказываниях отдельных ученых. В бесписьменных языках, бесспорно, существовали (и существуют), варианты произношения, допускающие разную степень сокращения слов. Однако с изобретением письма, появлением письменности, закреплением правописания и, особенно, после введения всеобщего обучения, в сознании большинства людей появились прочные графико-фонетические ассоциации, которые легли в основу полного стиля произношения. Таким образом, к указанию Л. В. Щербы о том, что при любом фонетическом варианте слова мы представляем себе его в полном стиле, можно добавить, что у грамотных людей существуют не только слуховое (фонетическое), но и графико-фонетическое восприятие слова, лежащее в основе полного стиля произношения [1, с. 305–307]. Как будет показано ниже, мы рассмотрим наличие четких графико-фонетических соответствий и у носителей языка, и у билингов.

Следовательно, написание является для культурных, грамотных членов общества обычным критерием полного стиля речи, и в процессе речевого общения грамотный человек подсознательно ощущает полный фонетический состав слова, основанный на графико-фонетических ассоциациях. В историческом плане полный стиль является изменяющейся по своей значимости категорией. Грамотность, как известно, распространяется в со-

циуме постепенно и дифференцированно: сначала в основном среди лиц, остро нуждающихся в ней по роду своих занятий, затем среди высших классов и лишь впоследствии среди трудящихся масс. В связи с этим удельный вес полного стиля сильно возрастает на определенных этапах овладения грамотой и культурой отдельными социальными группами. Для культурного, грамотного человека не существует сложности при переходе от одного стиля произношения к другому. Обычно он даже не осознает, что применяет разные стили и, исходя из существующих в его сознании графико-фонетических ассоциаций, думает, что употребляет полный стиль. С другой стороны, человек, приобщающийся к грамоте и культуре, сравнительно быстро осваивает большое количество незнакомых слов, беря многие из них из письменных источников, а, следовательно, воспроизводя их в полном стиле. Поэтому медленная и четкая речь особенно свойственна определенным историческим периодам, когда происходит массовый «сдвиг» в сторону овладения грамотой и культурой, как это было в Англии в XVIII и XIX вв. с буржуазией, и в XX в. с широкими трудящимися массами. В такие эпохи полный стиль речи приобретает особо важное значение. Поэтому в XVIII в. наблюдается ярко выраженная тенденция узаконить полный стиль произношения как основной, и по той же причине эта проблема становится актуальной в наши дни.

Освоение новых слов без опоры на написание зачастую ведет к искажению их, приспособлению к уже известным словам. Этот процесс, известный под названием «народная этимология», приводит к появлению таких слов, как «спинжак, полуклиника» и т. д. Пример английской речи, в которой очень часто встречаются подобные слова, дает в одном из своих романов У. Теккерея в образе Джеймса Плуша, описывая лакея, разбогатевшего на спекуляции акциями железных дорог и сумевшего проникнуть в высший свет. С другой стороны, на низшей ступени овладения грамотой многие люди тяготеют к буквенному произношению. Однако, как уже отмечалось, это произношение не закрепляется. По-видимому, после определенного этапа «болезни роста», у людей, приобщившихся к грамоте и культуре, создаются графико-фонетические ассоциации, правильно отражающие соотношение между произношением и правописанием в литературном языке. Большую роль при этом играет общение с людьми, уже владеющими литературными нормами, преподавателями, а также средства массовой информации.

Библиографический список

1. Вандриес Ж. Язык. – М., 1935. – С. 305–307.
2. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / под ред. Зиндера Л. Р., Матусевич М. И. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
3. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 7-е изд. – М. : Высшая школа, 1953. – 309 с.
4. Bridges R. On English Homophones, SPE, Tract. – № 2. – 1919.

5. Chapman R.W. Lexicography. – Oxford : Oxford Univ.Press, 1948. – 34 p.
6. Geissler E. Erziehung zur. Hochsprache, Halle, Bd. I, 1925. Bd. II, 1934.
7. Jones D. The Pronunciation of English. – Cambridge : The Cambridge Univ. Press, 1956. – 223 p.
8. Wells J. C. Accents of English. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. – 673 p.
9. Johnson S. Dictionary of the English Language: J. & P. Knapton, London, 1775.

III. THE MAIN DIRECTIONS OF THE GLOBALIZATION OF CULTURE

ЖИЛИЩНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

П. М. Магомедова

*Магистрант,
Дагестанский государственный
университет, г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия*

Summary. The article considers the process of Russian and Dagestan intercultural dialogue in the sphere of housing and settlements. The main attention is paid to how the changing structures of the peoples of Dagestan in the second half of the 19th century. Also the author has revealed the peculiarities of the houses of one or another nation.

Keywords: dialogue of cultures; the peoples of Dagestan; rural settlement.

Передовая русская культура в описываемое время оказывала возрастающее прогрессивное влияние на культуру горских народов. Тесные экономические и культурные связи с Россией и ее народами способствовали существенным изменениям в быту горцев со второй половины XIX века.

Улучшилась строительная техника, появились дома нового типа, увеличился завоз строительных материалов, изменилась одежда, пища, прикладное искусство.

По справедливому утверждению философа Р. М. Абакаровой, диалог – это «общение с культурой, реализация и воспроизводство ее достижений, это обнаружение и понимание ценностей других культур, способ воспроизведения культур, обладающих своим культурным пространством» [1, с. 50].

В контексте культурного диалога обратимся к вопросам становления поселений народов Дагестана.

Начиная со второй половины XIX в. под влиянием общения с русским народом происходят изменения в домостроительстве и планировке аулов. Поселения были представлены четырьмя основными типами: селением (аулом), станицей, отселком и хутором. В отличие от старых поселений, в новых уделялось большое внимание планировке. Например, в горной части жилища аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, табасаранцев, рутульцев и других коренных народностей имели много общего, традиционного. Здесь строились одноэтажные, полутораэтажные и двухэтажные дома. Однако в ряде горских населенных пунктах встречались и многоэтажные постройки. Планировка и строительство домов жителей горного Даге-

стана отличались от жилищ жителей плоскостной части теснотой, отсутствием пристроек, усадебных участков, крепостью и труднодоступностью [2, с. 49].

Постройки кумыков, утверждает С. Ш. Гаджиева происходят существенные изменения. «Вместо старых домов с глухими стенами на улицу появляются новые двухэтажные дома с большими окнами, балконами и стеклянными галереями», кумыки «строили свои жилые дома и торговые заведения на русский городской лад». В результате этого в населенных пунктах равнинного Дагестана появились совершенно иначе застроенные кварталы, такие как Базаравул и Тарках, Алиберувул в Эндерее и др. [3, с. 51]. Например, у лакцев характерны двухэтажные многоквартирные дома из камня, с внутренними двориками, открытыми верандами и лоджиями и плоской глинобитной крышей. В нижнем этаже помещались скот и хозяйственные помещения. Основная жизнь проходила в комнате с очагом или углублением в центре. Парадная комната с камином служила для приема почетных гостей, если была третья комната, в ней хранилось приданное хозяйки – сундуки с платьем, посуда, утварь.

В связи с изменением социальных, бытовых и экономических условий произошла дальнейшая эволюция внутреннего благоустройства жилища народов Дагестана. Один из участников похода Петра I, побывавший в селении Тарки, сообщал: «У них нет ни столов, ни стульев, и они все лежат и сидят на полу. Вместо оконных стекол у них темные, прекрасно сделанные плетенки из камыша» [4, с. 41]. Вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в доме горца стали появляться русская печь, кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы, керосиновая лампа и другие бытовые предметы.

В Аксае, – писал учитель Цаллагов, – «мебель встречается редко, но люди более или менее зажиточны, а особенно бывалые, стали уже устраивать свои дома на европейский лад – с хорошей мебелью, хотя полы все-таки оставляют земляные» [5, с. 319]. Побывавший в нагорном Дагестане в 1867 г. Н. В. Воронов сообщает, что в Гидатлинском обществе русскую мебель и другие предметы европейского быта можно встретить в домах зажиточных горцев и чиновных людей. В Кумухе он видел дом, комнаты которого были «убраны отчасти по-европейски», полы покрыты коврами и паласами. Была «кое-какая мебель... в одном из комнат стояла двуспальная кровать» [6, с. 32].

Существенные изменения происходили и в жилищном строительстве нагорного и Южного Дагестана. Причиной этого явления, как справедливо отмечают исследователи, надо считать культуру, которая в конце XIX века все более и более проникла в предгорные и горные районы Дагестана. Архитектурные формы домов-дворцов, появившихся в нагорном Дагестане в значительной степени подсказаны городской архитектурой, с несомненно-

стью свидетельствуют о том, что мастера работали в городе... Городские формы неплохо поняты и не без своеобразного переживания переданы.

Богатство дома было заметно во внутреннем убранстве. Как и ранее, на видном месте, чаще на большой полке или в специальной нише, особым образом складывалась постель членов семьи; одну из стен снизу доверху заполняла медная посуда, дорогая форфоро-фаянсовая посуда размещалась на высокой полке. Комнаты завешивались коврами и устилались паласами. Лучшие ковры, постельные принадлежности и городская мебель размещалась в кунацкой. На стене, на самом почетном месте, висело оружие хозяина [7, с. 503–505].

В заключении хочется отметить, что культура народов Дагестана не растворилась в новом для нее культурном пространстве, а, не будучи примитивной, сумела сохранить свое самобытное начало.

Библиографический список

1. Абакарова Р. М. Нравственно-религиозная роль традиции в этнокультуре. – СПб., 2003.
2. Воронов Н. В. Из путешествия по Дагестану. – Тифлис, 1868.
3. Гаджиев А. С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. – М., 1964.
4. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965.
5. Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX–XX вв. – М., 1959.
6. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Том 2. – М., 2005.
7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917г.). – М., 1988.

IV. RELIGIOUS DETERMINANTS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVILIZATIONS

ПРАВОСЛАВНАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОМОЩИ И СУДЬБА РОССИИ

Т. Е. Покотилова

*Доктор исторических наук, профессор,
Северо-Кавказский федеральный
университет, г. Ставрополь, Россия*

Summary. This article analyzes the problems of forming and strengthening in the public mind "ideology of love to poverty" in the context of the history of development of domestic philanthropy and establishment of autocracy in Russia.

Keywords: state; Orthodoxy; charity; alms begging; public consciousness.

Обращаясь к анализу различных социальных явлений, П. А. Сорокин исходил из понимания любого из них как « социальной связи, имеющей психическую природу и реализующейся в сознании индивида, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы» [4, с. 39]. В связи с этим он предложил свою классификацию поступков людей, определяемых различными психическими переживаниями: 1) поступки или акты поведения «дозволительно-должные»; 2) поступки или акты поведения «добровольные» или «рекомендуемые»; 3) поступки или акты поведения «запрещенные» или «недозволенные» [4, с. 51–57]. И, соответственно, реакции, вызываемые такими поступками (социальные связи), также делятся, по П. Сорокину, на три разряда.

Опираясь на данную классификацию при изучении истории отечественной благотворительности как социокультурного явления, мы утвердились в предположении о том, что, во-первых, древнерусское государство, «вызванное к жизни в качестве социального института, в том числе, и для регулирования отношений, возникающих в результате совершения в обществе обозначенных актов и реакции на них, в силу слабости и неразвитости государственных структур на ранних этапах государственного строительства и в условиях религиозного характера общественного мировоззрения» [3, с. 170], делило значимую часть своих функций с церковью (в области дозволительно-должного и недозволенного). Во-вторых, церковь в этих условиях получает полную монополию на руководство реализацией морально-этической функции, в сфере кураторства которой – отношения по поводу актов рекомендуемых или сверхнормативно-положительных, являвшихся своего рода моральной роскошью. То есть, являясь религиозной носительницей философии милосердия и добротолю-

бия, Русская православная церковь становится монополистом и в сфере благотворительности.

X–XVII века в истории отечественной благотворительности – это период масштабного собственно церковного благотворения и церковно-государственной помощи и поддержки нуждающихся и обездоленных на Руси – в России, когда церковь была не только носителем философии помощи, основанной на христианских канонах любви и милосердия, но и активно внедряла эту философию в сознание и повседневную жизнь древнерусского общества.

Церковь воспитывала нравственные побуждения к благотворению; активно развивала и поощряла практику подвижничества в милосердии среди иерархов; проводила практическую работу по организации призрения нуждающихся через монастыри, церковно-приходские общины, братства и др. При этом проповедническая деятельность, по силе и масштабам воздействия на паству и практическим результатам, не только составила наиболее результативную часть работы церкви в деле организации благотворительности и общественного призрения в Древней Руси, но и, в условиях длительности периода решающих ее полномочий в данной сфере, стала судьбоносной как в утверждении идей нищелюбия в отечественном общественном сознании, так, в определенном смысле и вкупе с иными факторами, в определении судьбы России в целом.

Известно, что учение о братолюбии и милосердии, призывающее выполнять дела милосердия в качестве главного средства богоугождения и спасения, занимает значительную часть православного вероучения. Русские проповедники трактовали православное учение о братолюбии и милосердии не только очень широко, но и специфично. Регулярной и щедрой милостыне, наряду с самим фактом крещения, придавалась самая главная спасающая сила. Этот постулат достаточно быстро был воспринят древнерусской паствой и стал важной частью ее религиозного мировоззрения в условиях, когда, по словам Н. И. Костомарова, «все обстоятельства тогдашней жизни так слагались, чтобы плодить нищую братию: их плодили и воеводы, и дьяки, и приказчики, и помещики, и ратные люди, и Татары. Как набегит Ногайская орда из степей, да пожжет хлеб на полях, а в селениях – избы, - жители, успев спастись от татарского архана в болотах и лесах и очутившись без крова и без хлеба, расходились по Руси просить милостыни» [1, с. 35]. Более того, реализуя со времен Устава 996 г. (Владимира I) тезис «Церкви богатство-нищих богатство», церковь продолжает активно проповедовать получение вечной жизни за счет раздачи части имущества в пользу бедных и, соответственно, в свою пользу, и способствует таким образом не только росту профессионального нищенства, но и укреплению в общественном сознании тезиса о богоугодности бедности.

По народным воззрениям периода средневековья, сам бог – заступник нищеты и покровитель бедных. «Богатый бедному дивится, чем он

живится, – ан, бог помог»; «убогим – бог прибежище»; «где голь берет? голи бог подает»; «за сиротою – сам бог с калитою». Поэтому и милостыня богоугодна: «просит убогий, а подашь богу»; «милостыня – сухари на дальнюю дорогу»; «денежка – молитва, что острая бритва: все грехи соберет»; «нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». «Домострой» призывал: «...нищих, и маломожных, и скорбных, и странных пришельцев призывай в дом свой и, по силе, накорми и напои».

Нищие откармливались и размножались. Росли воровство и грабеж от множества бродяг и нищих, которые, неотступно требуя милостыни, приставали к каждому встречному: «Дай мне или убей меня!». Судя по «Стоглаву», – «...чернецы и черницы, бабы и девки, мужи и жонки, лживые пророки, волосатые и с бритыми макушками, то в рубище, то босые, то в одних рубашках, то совсем нагие; одержимые бесами и блаженные, святоши и окаянные; лишённые разума, прокураты и целые строи калик, лазарей ходят, ползают, лежат, гремят веригами, трясутся, скитаются по улицам, и по селам, и по деревням, и в волостях. Одни собираются на церкви, другие пророчут об антихристе; эти поют стихи, а те показывают раны... Ими наполнены княжеские и царские терема, торги, площади и крестцы; ими набиты все церкви, а церковей много...» [5, с. 31].

По мере эволюции общественно-экономических и политических отношений в России и в преддверии начала постепенного обмирщения общественного сознания власть, в лице стремившихся к самодержавию князей (Ивана III, Василия III, Ивана IV), как и внутрицерковная оппозиция, в лице нестяжателей, по разным причинам, пытались поставить под сомнение право церкви на богатство, предпринимая для этого достаточно серьезные действия. И в этой ситуации «идеология нищелюбия» стала важным, едва ли не решающим, аргументом, во-первых, во внутрицерковной борьбе в стремлении противоборствующих сил, с одной стороны, укрепить церковь в условиях разгоравшейся борьбы за власть и собственность с государством, с другой, – усилить церковное влияние на народные массы, «исправив» ее. Во-вторых, идеология нищелюбия стала важным аргументом в обосновании претензий церкви на сохранение монастырской собственности в условиях разгоравшейся борьбы за нее с государством.

Таким образом, стремление церкви отстаивать свои привилегии с привлечением в качестве одного из главных средств в борьбе «идеологии нищелюбия» и также имевшие место в ходе этой борьбы манипуляции с идеей нищелюбия со стороны государства привели к дальнейшему укреплению в отечественном общественном сознании патриархального тезиса о богоугодности бедности. Хотя в Европе уже в XIV–XV веках начинает складываться понимание того, что богатство – это «признак господнего расположения, тогда как бедность казалась настоящим адом на земле» [2, с. 23], что отвечало потребностям периода начала зарождения буржуазных отношений.

Библиографический список

1. Архив Калачева. Т. 4. Ч. III. – СПб., 1859.
2. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. : занятия, образ жизни и обыденное сознание: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Ставрополь, 1997.
3. Покотилова Т. Е. Благотворительность и русская православная церковь в X–XVII веках.//Церковь и общество: 160 лет совместного служения на Юге России. Материалы научно-практической конференции. – Ставрополь, 2004.
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
5. Стоглав. – Казань, 1862.

V. FEATURES INTENSIFICATION OF INTERACTION OF EASTERN AND WESTERN CIVILIZATIONS IN THE MODERN WORLD

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ПОГРАНИЧНОЙ В МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ДИАЛОГЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Е. А. Куликова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. The author of the article considers Russian civilization as a frontier civilization in which different peoples, cultures and confessions coexist. The author distinguishes such peculiarities of Russian civilization as polyethnics, multiconfessionalism, discrepancy and others. The author thinks that Russian people and the Russian language serve as a uniting basis of Russian civilization.

Keywords: Russian civilization; polyethnics; multiconfessionalism.

В условиях глобализации одной из главных проблем современности стала проблема взаимодействия между Западом и Востоком. Глобализация представляет собой процесс всемирной политической, экономической, культурной интеграции (объединения) и унификации (приведения к единообразной форме). Под влиянием глобализации жизненный мир современных представителей различных обществ становится более разнообразным и эклектичным. Он интенсивно пополняется всё более возрастающим количеством новых знаний, представлений, образцов деятельности, типизаций. Социальные институты, ранее свойственные лишь для жителей одного общества, переносятся и на другие общества. Традиции, обряды, элементы мировоззрения, образцы взаимодействий, социальные институты стремительно распространяются из одних стран в другие и приобретают универсальный характер в результате диффузий [1, с. 42].

Эта диффузия обнаруживает свои исподволь нараставшие предпосылки в предшествующие столетия, когда Запад и Восток периодически проявляли интерес друг к другу, который нашел отражение в искусстве. Например, в России XVIII века были популярны такие стили, как «тюркери» («туретчина») и «шинуазри» («китайщина»), основанные на подражании турецким и китайским мотивам. Интерес к китайской изобразительной традиции возник у европейцев в XVIII веке на фоне увлечения китайским фарфором. «Китайский стиль» (ветвь стиля рококо) нашел отражение в ев-

ропейском декоративно-прикладном, садово-парковом искусстве, живописи, costume. Так, в России любовь к «китайскому стилю» воплотилась в творчестве Антонио Ринальди, создавшего в период правления Екатерины II Китайский дворец в Ораниенбауме (ныне г. Ломоносове) и Китайскую деревню в Царском Селе (ныне г. Пушкине). Архитектор Матвей Федорович Казаков по заказу Екатерины Великой разработал проект Петровского путевого дворца в Москве и павильонов для торжеств на Ходынском поле в «турецком стиле».

В начале XVIII века у европейцев возник интерес к Древнему Египту в связи с обнаружением на территории Италии древнеегипетских памятников, а в конце того же столетия благодаря походам Наполеона I Бонапарта в Египет европейцы получили возможность увидеть поразившие их воображение памятники древнеегипетской культуры. В результате в XIX веке в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве Италии, Испании, Франции, России стал популярным неоегипетский стиль. В 1820-е годы в С-Петербурге появился Египетский мост, а в Царском Селе – Египетские ворота. Чрезмерное увлечение древнеегипетской культурой вошло в историю под названием египтомании. Ее новая волна захлестнула Запад в связи с открытием гробницы Тутанхамона Говардом Картером в 1922 году.

Под влиянием японских художественных ремесел в европейском искусстве XIX века появилось такое направление, как японизм. Японские мотивы были воплощены в творчестве художников-импрессионистов. Интерес к «Стране восходящего солнца» пробудился у европейцев в середине XIX века после ее открытия для внешнего мира.

Приведенные выше примеры показывают, что Восток оказывал влияние на культуру Запада. Однако следует учитывать, что в те времена знания европейцев и жителей Российской империи о Китае, Японии, Турции, Египте были скудными, поэтому можно говорить, как правило, лишь о поверхностном подражании восточным мотивам без проникновения в их глубинный смысл.

Сейчас, в начале XXI века, не только Запад вновь проявляет интерес к Востоку, но и Восток – к Западу. Так, в последние годы китайцы увлеклись постройкой городов в «европейском стиле», возведением копий известных на Западе сооружений (Эйфелева башня в Париже, Красная площадь в Москве и др.). Это даже вызвало беспокойство у нынешнего руководства Поднебесной, которое выступило с призывом к жителям страны обратить внимание на традиционную китайскую культуру.

Россия, находясь между Западом и Востоком, с одной стороны, испытывает на себе их влияние, а с другой стороны, сама оказывает на них воздействие, в том числе и в культурном плане. В ряде стран Европы и Азии в настоящее время проявляется интерес к русскому языку и русской культуре.

Россию можно назвать связующим звеном между Западом и Востоком. Ее нередко рассматривают как пограничную цивилизацию. Такой точки зрения придерживается, например, академик РАН, профессор С. И. Семенов. По его мнению, пограничные цивилизации – целостные, исторически устойчивые общности, сформировавшиеся на стыке между языческим, буддистским, христианским, исламским мирами. В пограничных цивилизациях сосуществуют различные этносы (народы), у каждого из которых своя культура и вера. Необходимо отметить, что под пограничностью российской цивилизации не всегда подразумевается только ее географическое положение между Западом и Востоком. Когда мы говорим о пограничности российской цивилизации, то имеем в виду ее жизнестойкость и открытость по отношению к монокультурным цивилизациям [7, с. 20].

Интегрирующим (объединяющим) началом в российской цивилизации является русский народ, который, как правило, отличается толерантностью (терпимостью), уважением к другим народам, милосердием, миролюбием, готовностью оказать помощь всем нуждающимся, порой даже в ущерб собственным интересам. Благодаря именно этим качествам русский человек обладает притягательной силой. Вполне закономерно, что многие народы России добровольно вошли в ее состав и приобщились к русской культуре, русскому языку, а не были насильственно присоединены [6, с. 35, 37]. Одним из важнейших благоприятных для этого факторов является исторически сопряжённая с идеей мессианства России в международных делах установка русского национального сознания на мирную интеграцию, особенно значимая в условиях наличия таких глобальных проблем, как межцивилизационная конфронтация, войны и международный терроризм [3, с. 14].

Консолидирующую роль в российском обществе играет русский язык. Он является национальным языком русского народа, а также средством межнационального общения народов России. Кроме того, обладая статусом государственного языка РФ, русский язык выполняет интеграционную функцию в политической, экономической, социальной и духовной сферах российского общества [8, с. 49–50].

В настоящее время разворачивается цивилизационный конфликт между Западом и Востоком, связанный с наличием противоположных установок, ориентиров, ценностей. Русский народ во многом еще остается под влиянием антропоцентричной (сосредоточенной на человеке) православной морали, ставящей на первый план духовные ценности, человеческую жизнь. В то же время он все более оказывается подвержен воздействию со стороны экономикоцентричного – сосредоточенного на достижении материальных благ Запада, усиливающегося по мере развития современной мифологии, культурно легитимизирующей погружение людей в искусственную среду, а также совершенствования и расширения внедря-

ющих эту мифологию в массовое сознание инфокоммуникационных средств и технологий [2, с. 10].

При сложившихся обстоятельствах российской цивилизации важно, сохраняя свою самобытность, успешно взаимодействовать с другими цивилизациями [5, с. 533–535, 539]. Парадигмальный характер в условиях необходимости гармонизации восточных, фундированных традиционными установками на адаптацию к среде, и трансформирующихся в постгуманистическом русле западных культурных влияний для России может иметь явившийся одним из проявлений межцивилизационного сближения предшествующих столетий евразийский антропокосмизм [4, с. 37] как течение, в рамках которого осуществляются попытки транскультурного мировоззренческого синтеза.

Библиографический список

1. Антипов М. А. Глобализация и жизненный мир человека // Глобализация как этап развития мирового сообщества: материалы международной научно-практической конференции 25–26 сентября 2011 года. – Пенза – Сургут – Баку : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 41–43.
2. Антипов М. А. Эволюция мышления: диалектика мифа и логоса // Социосфера. – 2012. – № 3. – С. 9–13.
3. Дорошин Б. А. Русский хтонизм и важнейшие глобальные проблемы современности Religion – science – society: problems and prospects of interaction : materials of the IV international scientific conference on November 1–2, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – P. 10–17.
4. Дорошин Б. А. Хтонизм как один из парадигмальных модусов трансмодернизирующегося общества // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс : Периодическое научное издание. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. ун-та, 2015. – № 01 (23). – Т. 2. – С. 31–38.
5. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с. – С. 533–535, 539.
6. Российская цивилизация / под общ. ред. М. П. Мchedлова. – М. : Академический Проект, 2003. – 656 с. – С. 35, 37.
7. Семенов С. И. Личность: традиция и новаторство в контексте цивилизации // Личность и цивилизация. – М. : СОВЕРО-ПРИНТ, 1999. – 76 с. – С. 18–26.
8. Чельшев Е. П. Русский язык как государственный язык РФ // Восток – Россия – Запад. Исторические и культурологические исследования. – М. : Памятники исторической мысли, 2001. – 780 с. – С. 49–54.

VI. IMPORTANT ISSUES OF DIALOGUE AMONG CULTURES AND CIVILIZATIONS IN THE 21ST CENTURY

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

О. П. Игнатенко,
И. И. Кудрявцева

*Кандидат филологических наук, доцент,
старший преподаватель,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. Article presents some features of a multicultural person and its formation during Russian language classes for foreigners. A main condition of this process is a mutual influence of different cultures on each other based on a voluntary cooperation. Article also gives some methods and forms of work with foreigners.

Keywords: interculturality interaction; adaptation; cultural assimilation; cultural integration; multicultural person; Russian language for foreigners.

Современное общество отличает стремление к максимальному устранению границ между разными странами и культурами, объединению наций, глобализации. «Открытые» государственные границы, тесные политические и экономические контакты приводят к тому, что все больше молодых людей выбирают образование за пределами своей родной страны. В связи с этим все большее число вузов предоставляет услуги по обучению иностранных граждан в России. Такая тенденция развития высшей школы способствует изменению требований, предъявляемых к выпускнику университета, молодому специалисту. Одним из основных является формирование поликультурной личности, способной адаптироваться в различных культурных условиях, сохранить национальную самобытность и быть способной осуществлять межкультурную коммуникацию. Эти требования предъявляют не только к русским студентам, получающим образование в высшей школе, но и к иностранцам, выбравшим обучение в российских вузах.

Напомним, что обучение в стране с иной культурой имеет ряд особенностей, на которые не раз обращали внимание ученые: «важным этапом «привыкания» иностранных студентов к новым условиям является процесс аккультурации, т. е. процесс усвоения элементов другой культуры» [1, с. 151]. Альтернативным результатом можно считать развитие поликультурной личности.

Однако длительное пребывание в инокультурной среде, процесс близкого взаимодействия различных культур нередко приводит к их ассимиляции. Такой результат межкультурного взаимодействия не вполне удовлетворяет большинство представителей различных культур, т. к. в процессе тесного контакта нередко утрачивается национальная самобытность того или иного народа.

Таким образом, процесс формирования поликультурной личности в условиях иноязыковой и инокультурной среды может иметь ряд психических особенностей: например, студент-иностранец в подобной ситуации нередко испытывает беспокойство, тревогу, и, как следствие, трудности в общении. Причина этого, как правило, в том, что человек, впервые попавший в непривычные культурные условия, вначале испытывает любопытство, вызванное естественным желанием человека разнообразить свою жизнь, получить новые впечатления, узнать что-то новое. Но длительное взаимодействие с представителями иной культуры способно нарушить внутренний покой индивидуума и привести к душевному дисбалансу. В этой ситуации мы часто сталкиваемся с процессом искусственного «консервирования» в узком национальном кругу или встречаем активное сопротивление влиянию более распространенной, иногда доминирующей, культурной группы [подробнее об этом см.: 2].

Нередко причиной замкнутости студента-иностранца становится не столько недостаточно высокий уровень владения языком принимающей страны, сколько сложные межличностные отношения внутри своей этнической группы. Как показывает опыт кафедры русского языка и социально-культурной адаптации ВолгГМУ, самой распространенной причиной «невключения» студента в процесс межкультурного взаимодействия являются индивидуальные психологические особенности иностранца. Встречаются случаи «ревностного» отношения к успехам представителей своей национальной группы, что, в свою очередь, не способствует раскрепощению, созданию ситуации комфорта для иностранного студента.

Для преодоления этих трудностей адаптации студентов-иностранцев, стимуляции процесса формирования поликультурной личности в университетах нередко создаются творческие объединения студентов, проводятся специальные занятия и тренинги, направленные на активизацию процесса межкультурного взаимодействия, способствующие пониманию социально-культурной, духовно-нравственной и психологической сущности иной культуры. Отметим, что подобные студенческие объединения не ставят перед собой цель научить молодых людей коммуникации, основная цель подобных организаций – подготовка будущих специалистов к ведению адекватного межкультурного взаимодействия, основанного на осознании и признании духовной и нравственной ценности другой культуры.

Безусловно, адаптация и дальнейшее развитие навыка межкультурного взаимодействия осуществляется и на занятиях РКИ: «подход к обуче-

нию иностранному языку как процессу формирования коммуникативной культуры, учет ее особенностей при изучении русского языка как иностранного нашел отражение в специальной системе заданий и упражнений» [6, с. 30]. Так, например, «на занятиях по практике устной и письменной речи русского языка как иностранного используются страноведческие тексты, знакомящие иностранных студентов со способами поведения в России, с принятыми ценностями, с особенностями взаимоотношений между людьми, с традициями и обычаями» [1, с. 151].

В речевой практике на занятиях в начале изучения русского языка студентам предлагается ответить на некоторые вопросы под общей рубрикой «Давайте познакомимся!». При введении речевых формул приветствия или прощания на русском языке студентам интересно услышать, какие формы и формулы речевого поведения есть в разных странах. Особый интерес вызывают подобные задания в интернациональных группах, где одновременно учатся студенты из Индии, Малайзии, Кении, Китая или др. При знакомстве с текстом «Москва – столица России» студентам предлагается самостоятельно подготовить презентацию и небольшой рассказ о столице их родной страны. Одним из классических текстов для ознакомления с русскими праздниками является «Новый год». Живой интерес вызывают у студентов рассказы товарищей о праздновании подобного праздника в их родных странах и городах. Эффективным видом работы в формировании поликультурной личности являются тематические объединенные занятия или конференции (между группами одного курса или разных курсов), в ходе которых студенты узнают культурные особенности других народов, их традиции и вырабатывают соответствующие навыки межкультурного взаимодействия.

Таким образом, в процессе межкультурного взаимодействия осуществляется контакт культур, их традиций. Однако основным условием этого процесса является их взаимное влияние, основанное на добровольном сотрудничестве, следовательно, взаимное обогащение культур, расширение их границ. Именно при таких условиях отношения представителей различных культур могут называться не просто межкультурным контактом, а взаимодействием. Воспитание полноценной поликультурной личности, способной осуществлять взаимодействие с представителями иных культур на основе уважения и равенства – основная задача высшей российской школы, и данная задача стоит не только перед российскими студентами, но и перед студентами-иностранцами. Для выполнения данной задачи, мы полагаем, максимальные возможности предоставляют именно занятия русского языка как иностранного.

Библиографический список

1. Дегтяренко В. В., Фатеева Ю. Г. Страноведческий материал в процессе социокультурной адаптации иностранных студентов // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 149–153.
2. Ефремова Н. В., Фатеева Ю. Г. Некоторые аспекты адаптации студентов в инонациональной среде // Образование и наука в современных условиях. – 2014. – № 1(1). – С. 198–199.
3. Павлова И. Ю. Поликультурное образование в высшей школе в современных условиях // МНКО. – 2009. – № 3. – С. 143–145.
4. Сабаненко Е. И. Межкультурное взаимодействие: сущность, типология, социальная регуляция // Молодой ученый. – 2014. – № 21. – С. 816–819.
5. Судоргина Л. В. Формирование педагогической системы инновационного образовательного учреждения в современной школе // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета – 2011. – № 1. – С. 34–39.
6. Фатеева Ю. Г., Ефремова Н. В. Формирование коммуникативной культуры при изучении русского языка как иностранного // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов 8-й международной науч.-практ. конф. – Махачкала, 2014. – С. 30–31.

О РОДОВОМ СОСТАВЕ ЛАМУНХИНСКИХ ЭВЕНОВ

Р. П. Кузьмина

*Кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. This article provides some information about Lamunhin Evens, compactly living in Kobyaysky District of Yakutia. The ethnic composition of the Evens local group is considered also data of sociolinguistic research are provided.

Keywords: Evens; Even language; ethnic composition; family.

Территорией проживания ламунхинских эвенов в 1897 г. были реки Тумара, Келе и Байлаки к северу от низовьев Алдана и к востоку от Лены, близ устья Алдана. В 1926 году ламунхинские тунгусы обитали по рекам Тумара и Келе, правым притокам Алдана в его низовьях [2]. В настоящее время данная локальная группа эвенов компактно проживает в Ламунхинском наслеге п. Себян-Кюель Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия).

Этнический состав ламунхинских эвенов довольно сложный и неоднозначный. В.А. Туголуков приводит предание, в котором рассказывается о формировании ламунхинского рода: «В другом якутском предании говорится, что до прихода якутов на озере, которое сейчас называется Тарагана (левый берег Алдана, недалеко от его устья), жил тунгус-оленеvod Тарага. Якуты потеснили Тарагу, который переправился с сородичами через Алдан

и ушел на север. Размножившись, эти тунгусы образовали широко известный среди эвенов Ламунхинский род. Ламунхинский род, как мы увидим ниже, представлял собой сложное административное образование, включавшее долганов, тугочеров, алданских буякси́ров, а также оламученных якутов-хоринцев [3, с. 21].

В «Сводных данных о расселении, численности и родоплеменных названиях эвенов Якутской АССР на 1953 г.» К. А. Новикова пишет: «В Ламунхинском наслеге три селения: Сеген-Кюель, Себян-Кюель, Эндэбал.

Эвены Саккыры́рского района имели в прошлом следующие родоплеменные названия: кара или карамнго, кеймети, тюгёх. Сейчас они носят такие фамилии: Захаровы (кара), Кейметиновы (кеймети), Степановы (кеймети), Слепцовы (тюгёх). Кривошапкины (считаются переселенцами из Томпонского района, раньше относились к племени мямя), Алексеевы (переселенцы из Вилюйского и Жиганского районов), Гороховы (переселенцы из Булунского района). Переселенцами из Вилюйского района считаются также отдельные семьи Кейметиновых. В Намском наслеге Алексеевых называют обычно термином няку, а Кейметиновых, переселившихся из Вилюйского района, – термином дёку» [8].

По поводу этнонимов *Кара* и *Кеймети* исследователи выдвигают различные гипотезы. В. А. Туголуков считает, что этнонимическая группа *Кара* (Карамнго), называемая Новиковой у саккыры́рских эвенов, напрашивается на сопоставление с родом Каранто, представители которого ныне входят в состав долганов на Таймыре. По нашим предположениям, члены рода Каранто состоят в генетическом родстве с эвенками-скотоводами рода *Каранут*, жившими в XVII в. в лесостепном Прибайкалье. Видоизменение этнонима Каранут в Каранто и Карамнго (Кара) представляется достаточно закономерным, учитывая местные этнические процессы [3, с. 48].

По поводу этнонима *Кеймети* исследователь отмечает, что в группе *Кеймети* проще всего предполагать этнонимическое подразделение Жакутского рода и также он предполагает, что Жакутский род, вероятно, представлял собой часть объякученных эвенов рода Долган [3, с. 48].

Этнограф А. А. Алексеев придерживается другого мнения: «Мы полагаем, что Коринский род якутов, плативший ясак в Камнунском зимовье в середине XVII века в низовьях Алдана, по происхождению является монгольским. Возможно, уже в 50-х годах XVII в. она была объякучена, а некоторая часть и отунгушена. Возможно, уже в XVII веке некоторая часть коринского рода, которая имела связи с ламунхинскими и тугяси́рскими эвенами, была отунгушена. Так, видимо, образовался эвенский род *Харау* (Кара, Карамно) в составе ламунхинского рода» [1, с. 71].

О роде Кеймети он же утверждает: «В Коймэти мы склонны предполагать группу оламученных юкаги́ров, живших на территории северо-западного Верхоя́нья, но со временем они вошли в состав калтакулей» [1, с. 71].

По переписи 1897 года, приведенным С. Паткановым: «Дондаконское племя – 30 мужчин, 26 женщин; ламунхинское племя – 20 мужчин, 20 женщин; тюгясирское племя – 45 мужчин, 33 женщины; хоринское племя – 15 мужчин, 20 женщин; не указанное племя – 5 мужчин, 1 женщина» [10, с. 756].

По данным, предоставленным Ламунхинским сельским советом, в п. Себян-Кюель Кобяйского улуса, согласно переписи 1989 года, ламунхинских эвенов было 655 человек, в 1990 г. – 763 чел., 1995 г. – 799 чел., 1999 г. – 793 чел., 2000 г. – 723 чел, 2002 г. – 791 чел., 2003 г. – 770 чел. По переписи 2007 г. в селе проживает 780 человек, в том числе дети до 16 лет – 259 чел., мужчин – 247, женщин – 274, из них: эвенов – 660, юкагиров – 1, якутов – 114, русских – 3, украинцев – 2. По данным 2016 г. населения села составляет 754 чел., из них 647 эвенов.

Ламунхинцы являются этнической группой, сохранившей язык, материальную и духовную культуру эвенов. Традиционным хозяйствованием ламунхинских эвенов является оленеводство, охотничий промысел. Эвенский язык преподается в селе в дошкольном учреждении и в общеобразовательной школе.

В поселке имеются общеобразовательная школа имени Платона Ламутского, известного эвенского писателя, уроженца п. Себян-Кюель, в которой обучается на сегодняшний день 158 учащихся. Также функционируют больница, детский сад, отделение связи и другие учреждения.

Около 40 лет существует фольклорный ансамбль «Мэрлэнкэ» (руководитель Степанова Зоя Афанасьевна), который на протяжении многих лет пропагандирует, сохраняет и возрождает фольклорное наследие эвенского народа, является лауреатом и дипломантом различных конкурсов международного и республиканского уровня.

В последние годы создаются детские, молодежные ансамбли, ставшие лауреатами различных улусных, республиканских конкурсов.

Большую роль в сохранении языка играют произведения и научные труды эвенских ученых и писателей, выходцев из п. Себян-Кюель, таких как П. А. Ламутский, Д. В. Кривошапкин, А. В. Кривошапкин, В. С. Кейметинов-Баргачан, А. А. Алексеев и др.

По классификации говоров и диалектов эвенского языка ламунхинский говор отнесен исследователями в западное наречие [12; 7; 11]. Говор по всем своим фонетическим, морфологическим, лексическим показателям существенно отличается от говоров восточного наречия и литературного эвенского языка.

В 1955–1956 гг. определением звукового состава ламунхинского говора на слух занялась группа научных сотрудников Института языкознания АН СССР при непосредственном участии и руководстве М. И. Матусевич [9]. Некоторые из полученных наблюдений вошли в работу К. А. Новиковой «Основные особенности эвенских говоров Якутской

АССР» и в рукописи «Очерки диалектов эвенского языка (саккырырские говоры)» [6]. Также системному описанию языка ламунхинских эвенов посвящена работа Р. П. Кузьминой [4].

В настоящее время уровень владения родным языком среди ламунхинских эвенов довольно высок, все представители этого говора свободно говорят на своем родном языке, а также в повседневной речи используют якутский и русский языки.

Таким образом, следует отметить, что ламунхинский род эвенов имеет довольно сложный этнический состав, который сыграл немаловажную роль в формировании особенностей в культуре, языке и антропологических чертах данной локальной группы.

Библиографический список

1. Алексеев А. А. Эвены Верхоянья: история и культура (конец XIX – 80-е гг. XX в.). – Санкт-Петербург: ВВМ, 2006.
2. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М. : Изд-во АН СССР, 1960.
3. История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки. – СПб: Наука, 1997.
4. Кузьмина Р. П. Язык ламунхинских эвенов. – Новосибирск : Наука, 2010.
5. Новикова К. А. Основные особенности эвенских говоров Якутской АССР // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1958. – Вып. 11.
6. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка (саккырырские говоры). (Рукопись, 1956).
7. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Ч. 1.
8. Новикова К. А. О расселении, численности и родо-племенных названиях эвенов Якутской АССР // Краеведческие записки, Магаданский краеведческий музей. – Магадан, 1962. – Вып. 4.
9. Матусевич М. И. Звуковой строй ламунхинского говора эвенского языка // Звуковой строй языка. – Л. : Наука, 1979.
10. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1. Тунгусы собственно // Записки императ. русск. геогр. общ. по отделению этнографии. – СПб, 1906. – Вып.1.
11. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л. : Наука, 1975. Т. 1. А-Н; 1977. Т. 2. О-Э.
12. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л. : Наука, 1947.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ФЕНОМЕНОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

К. Н. Маркина

*Кандидат культурологии, доцент,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. This article is devoted to the discussion of issues of ethnic identity and tolerance in the modern intercultural dialogue and in teaching practice. In the modern global world, such phenomena as ethnic identity, intercultural interaction and tolerance can be presented and discussed in depth in the practice of teaching humanitarian disciplines. The final purpose of such a qualitative approach is seen as the formation of tolerance as a conscious attitude to other cultures and their representatives and, at the same time, the awareness of the value of their own ethnic and cultural identity.

Keywords: ethnic identity; tolerance; intercultural dialog; cultural identity.

Изучение специфики функционирования и проявления во внешней среде таких ментальных феноменов как этническая идентичность, национальный менталитет, этнопсихологические особенности и пр. и установление взаимосвязи между ними и толерантным поведением в социокультурной среде относится к числу наиболее актуальных проблем в современной научной гуманитарной парадигме. Последние события в мировой политической и социальной жизни наглядно продемонстрировали ошибочность утверждений, согласно которым процессы формирования толерантной среды и объективного и последовательного раскрытия специфики национальной идентичности и этнопсихологических характеристик представителей контактных народов в рамках системного образования могли развиваться параллельными, непересекающимися курсами.

Поскольку этническая идентичность может быть определена как структурный элемент национального самосознания, как сочетание в определенной этнокультурной среде универсальных, общечеловеческих и национально-специфичных элементов мировоззрения, именно она является основой толерантного отношения к представителям иных этнокультурных общностей. В условиях нормативного формирования этническое самосознание может выступать в качестве регулирующего и созидющего фактора в практике межкультурной коммуникации: признание множественности исторически обусловленных традиций, адекватная оценка места своей группы в этнической картине мира, принятие уникальности каждой национальной культуры и пр. могут базироваться только на осознании самоценности собственного этнокультурного сообщества и уважении к аналогичным этническим, социокультурным образованиям. Этническая идентичность в рамках нормативных проявлений также реализует функцию накопления, хранения и ретрансляции информации о традициях, ценностях, сте-

реотипах мышления и поведения последующим поколениям как представителей своей, так и иных культур.

Приходится признать, что нерегулируемые попытки понять и принять инокультурные модели повседневного поведения редко приводят к формированию толерантного отношения к носителям отличающегося этнического самосознания. Поверхностное ознакомление с бросающимися в глаза особенностями чужой культуры чаще порождает ложные стереотипы и лишь усугубляет непонимание, нежелание постичь причинно-следственные основы непривычного поведения или мышления, формирует предпосылки для негативного оценивания представителей любых out-групп и соответствующим образом окрашенного поведения.

Подобное положение можно преодолеть количественным или качественными способами: интенсивным общением с представителями других этнических культур и/или последовательным ознакомлением с глубинными особенностями чужой культуры в форме интеллектуального контрастивного анализа. Однако количественный способ характеризуется повышенными рисками и сомнительной эффективностью: продолжительный контакт с чуждой культурой, полное погружение в обычаи и традиции в результате длительного проживания в окружении ее представителей значительно увеличивает шансы на размывание границ собственной этнической идентичности и установление межкультурного диалога, но не гарантирует, что к представителям инокультурной общности сформируется толерантное отношение, которое будет сохранено и ретранслировано при возвращении в пределы своей in-группы.

Следует признать, что основой не только терпимого, но и уважительного отношения к представителям иной этнокультурной общности являются достаточные знания об истории и культуре народа, ценностной иерархии, ментальных особенностях и пр. Целенаправленное формирование межкультурной компетентности у обучающихся в системе среднего и высшего образования, предоставление непротиворечивой и достоверной информации об обычаях, нормах, ценностях и раскрытие исторической динамики их формирования в рамках процесса образования как такового позволяет преодолеть отчужденность, минимизировать неадекватные реакции на ситуативные проявления этнической идентичности, повысить общую кросс-культурную грамотность, заложить основы для формирования толерантного отношения, осознания уникальности и самостоятельной ценности каждого этнокультурного образования.

В современном глобальном мире такие феномены как этническая идентичность, самоидентификация этнических групп, межкультурное взаимодействие и толерантность вполне могут рассматриваться в практике преподавания не только в форме отдельных узкоспециальных курсов, но и в форме соответствующим образом упорядоченного иллюстративного материала к общим дисциплинам гуманитарного профиля в целях формиро-

вания культурной, культурологической, семиотической компетенций, повышения общей коммуникативной культуры, расширения кругозора учащихся и пр.

ОБ УЧЁТЕ ФАКТОРА РИСКОВ В МОДЕЛЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

О. В. Тиханычев,

*Кандидат технических наук, профессор,
г. Москва, Россия*

Е. О. Тиханычева

*студентка,
Финансовый университет
при Правительстве РФ, филиал,
г. Краснодар, Россия*

Summary. An important decision point is a risk assessment of their performance. This is especially true when managing large social systems. The primary means of predicting the behavior of large systems is the mathematical modeling. This work presents a methodology for accounting for risk when predicting the behavior of social systems. The proposed method will improve the accuracy of decisions

Keywords: inter-ethnic interaction; mathematical methods of forecasting; mathematical modeling; system models; risk assessment.

Любой человек, прежде чем выполнить какое-либо действие, прогнозирует его последствия. И не только для оценки возможных затрат, но и для оценки результатов его реализации. В ряде случаев данный процесс может осуществляться человеком самостоятельно. Но намного чаще встречаются ситуации, когда последствия принимаемых решений не могут быть однозначно оценены без использования специальных методов и приёмов. В таких случаях для получения прогнозов используются научные методы различной степени сложности: от простых логических рассуждений, до математического моделирования.

Типичным примером такой ситуации с получением прогнозов является прогнозирование течения социально-этнических процессов и поведения участвующих в них систем. Это процессы взаимодействия этносов в условиях современного социума: когда на межэтническое взаимодействие влияют не только уровень пассионарности и физико-географические условия, но и государственные институты, международные механизмы регулирования межгосударственных отношений, глобальные информационные технологии и др. Указанные особенности порождают противоречие между стремлением социального общества к уравниванию возможностей всех его членов и естественным стремлением этносов к сохранению собственной самобытности.

Для решения проблемы прогнозирования поведения социально-этнических систем, в работах [1; 2] авторами предлагалось использовать системы моделей, функционирующих на основе метода динамики средних, дополненные моделями трансграничного межэтнического взаимодействия [1] и «пассионарного нагрева» [2]. Но, как уже отмечалось ранее [3], указанные системы моделей должны учитывать ещё один фактор социально-этнического взаимодействия, присущий любым крупным системам – их «эластичность», определяемая эффектом так называемого «трения» между элементами динамических систем.

Для оценки в предлагаемой системе моделей фактора эластичности могут быть использованы различные зависимости, но большинство исследователей склоняется к применению аппарата теории рисков. Согласно положениям этой теории, при принятии решения, каждый индивид руководствуется степенью риска, возникающего при выполнении действия. При этом он пытается минимизировать риски по двум направлениям: потери возможной прибыли и минимизации вероятных убытков. В численном выражении величина риска получения фиксированной ожидаемой выгоды размера C_{12} может выражаться следующей функцией:

$$R = C_{12}(1-P(H_{12})) + C_{21}P(H_{21}) \rightarrow \min$$

Понятия $P(H_{21})$, $P(H_{12})$, C_{21} , C_{12} могут определяться в зависимости от условий решаемой задачи. В рамках описания системы моделей социально-этнического взаимодействия они будут принимать следующий физический смысл:

C_{12} – ожидаемая «полезная стоимость» результата предпринимаемых действий;

$P(H_{12})$ – вероятность того, что стратегия действий выбрана правильно и событие будет завершено с положительным для рискующего результатом;

C_{21} – потери, возникающие в результате срыва или необоснованного принятия решения на действие;

$P(H_{21})$ – вероятность неверного выбора стратегии, приводящей к отрицательному результату действий. В часто встречающейся ситуации, когда решения $P(H_{12})$ и $P(H_{21})$ несовместны и составляют полную группу событий $P(H_{21}) = 1 - P(H_{12})$. Однако на практике, такой вариант не единственно возможный, поэтому разрабатываемая модель должна отражать весь спектр возможных ситуаций, включающий как общие, так и частные случаи.

В графическом виде данная модель, для случая полной группы событий, может быть описана зависимостью, представленной на рисунке 1.

Как видно из графика (рис.1), повышение стоимости C_{21} поднимает прямую рисков вверх, повышая безусловное суммарное значение риска R_0 до R_1 . Изменение вероятностей $P(H_{12})$ или $P(H_{21})$ сдвигает точку принятия решения на графике вправо или влево, меняя относительное значение рис-

ка R_2 до или R_3 , воспринимаемое лицом, принимающим решение субъективно, но оказывающее объективное влияние на его решение.

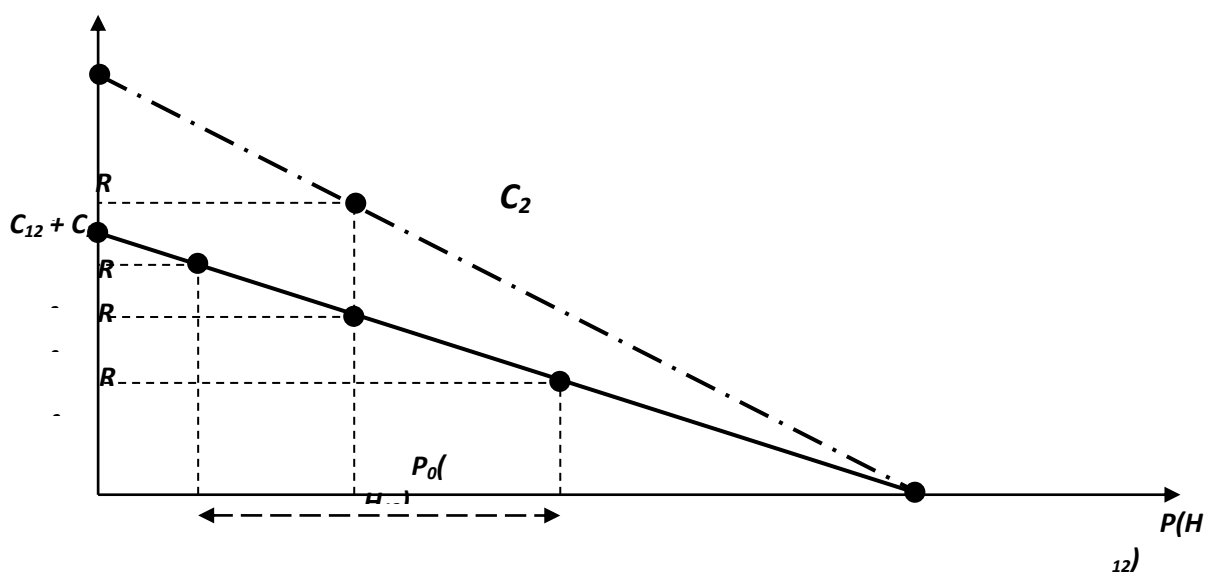

Рис. 1. Графическая интерпретация принципа учёта рисков в моделях социально-этнических систем

Применение данной модели позволяет анализировать использование аппарата рисков для воздействия на процессы социально-этнического взаимодействия. Например, при управлении взаимодействием этносов внутри государства, сторона, пытающаяся дестабилизировать ситуацию будет пытаться использовать модель рисков, пытаясь убедить в высокой вероятности $P(H_{12})$ или занижая оценку стоимости ошибки C_{21} . В качестве противодействия этому может быть использовано два пути: повышение неотвратимости наказания (вероятности $P(H_{21})$) или ужесточение наказания за противоправные действия C_{21} . Принципы управления межгосударственным этническим взаимодействием будут аналогичны.

Таким образом, предлагаемый аппарат учёта рисков позволит повысить точность системы моделей социально-этнического взаимодействия. При автономном использовании предложенного математического аппарата он позволит проводить оценку частных решений, в том числе в рамках анализа параметров так называемого «рефлексивного» [4] управления.

Библиографический список

1. Тиханычев О. В. Об учёте межгосударственных границ при моделировании межэтнического взаимодействия // Социосфера, 2014. – № 2. – С. 197–201.
2. Тиханычев О. В., Тиханычева Е. О. Обобщённая модель влияния «пассионарного нагрева» на устойчивость социальных систем // Paradigmata poznání. – № 4. – 2014. – С. 58–62.
3. Тиханычев О. В., Тиханычева Е. О. О практическом применении модели взаимодействия этносов // Social and economic problems of modern society: materials of the V international scientific conference on June 1–2, 2015. – Prague. – P. 99–103.

4. Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Рефлексия и управление: математические модели. – М. : Физматлит, 2012. – 412 с.

VII. THE SPHERE OF THE CORPORATE CULTURE: PRINCIPLES AND MODERN TRENDS

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ФОРМИРОВАНИИ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КОМПАНИИ

С. А. Сухих,
А. С. Гурьев

*Профессор,
магистрант,
Кубанский государственный универси-
тет, г. Краснодар, Россия*

Summary. The article deals with the formation of the corporate identity of the company. Mechanisms of social and psychological impact of employee participation in physical education and sport in the formation of corporate identity on the example of the company «Gazprom mining Krasnodar».

Keywords: corporate identity; image; an archetype; ingroup favoritism; corporate culture; sport - recreational activities.

Современные руководители заботятся корпоративной идентичности организации. Корпоративная идентичность трактуется исследователями, как чувство принадлежности к компании, в которой работаешь. Она подразумевает наличие ценностного значения работы в данной организации, эмоциональной привязанности к значимой для индивида общности. Социально-психологические механизмы корпоративной идентичности лежат в корпоративной индивидуальности компании, которая создает условия конкурентной борьбы, получение прибыли посредством эффективного использования человеческих ресурсов.

По мнению О. А. Воеводиной, корпоративная идентичность созвучна корпоративной идентификации – совокупности аспектов, служащих единению и сохранению организации, а также ее позиционированию, смысловому и визуальному отделению от других организаций; отождествленностью сотрудниками или отдельными организационными структурами себя как части организации, с признанием ее философии, норм и правил поведения. Корпоративная идентификация – это набор физических и визуальных средств коммуникации, с помощью которых организация идентифицирует и представляет себя обществу с целью создания определенного и запоминающегося образа. В этом случае используется следующее: корпоративный имидж и образ компании; методы влияния на сознание и подсознание, формирование бессознательного отношения к имиджу и знаку компании. Формирование идентичности опирается на глубинный образ

бессознательного – архетип «свой-чужой». Влияние этого архетипа обеспечивает психологическую консолидацию представителей своей группы и восприятие ее как позитивной, обеспечивающей безопасность отдельных ее членов. К тому же своя группа ассоциируется на бессознательном уровне психики с материнским началом. Влияние архетипа «свой-чужой» определяет действие такого социального феномена как ингрупповой фаворитизма, понимаемого как эксклюзивности собственной компании во всех отношениях и предпочтения своей группы относительно другой общности. Формирование ингруппового фаворитизма, включает стратегию межгруппового поведения, основанную на тенденции благоприятствовать своей группе (ингруппе) в ущерб другой (аутгруппе) либо формирование более общих (надгрупповых) целей и ценностей; а также повышение эмоционального восприятия событий и принятия собственной близости и причастности к таковым [1].

Корпоративная идентичность подразумевает интеграцию и консолидацию в одно сообщество через атрибуты корпоративной культуры, такие как обычаи, нормы, правила, традиции и другое. Как подчеркивает Т. Скворцова, наличие у работника такого качества, как корпоративная идентичность, означает, что он не только осознает идеалы компании, четко соблюдает нормы поведения в ней, но и полностью принимает корпоративные ценности внутренне, ассоциирует себя с организацией, рассматривает свою жизнь во взаимосвязи с ее жизнью и организует свою деятельность, опираясь на ее принципы и нормы. В этом случае культурные ценности компании становятся индивидуальными ценностями сотрудника, занимая прочное место в мотивационной структуре его поведения [3].

Механизмы корпоративной идентичности созвучны материнскому началу, т. е. консолидации объединения всей структуры организации. Е. Куракина интерпретировала мнение директора Лондонской школы РР Джона Дэлтона следующим образом «корпоративная идентификация – это не что иное, как визуальные и физические средства коммуникации, с помощью которых организация идентифицируется и представляет себя окружающим и обществу» [2].

Российский специалист Дмитрий Харшак аргументировано указал на связь корпоративной идентификации и корпоративного имиджа. По его мнению, рост уровня корпоративной идентификации влечет за собой рост корпоративного имиджа. А рост имиджа, в свою очередь, связан с подсознательным отношением к имени и знаку компании. Это отношение интуитивно переносится и на ее продукты и/или услуги. Этот психологический феномен в области коммуникаций получил название чувственного переноса [5]. Следовательно, можно утверждать, что корпоративная идентификация связана с чувствами людей, и именно работающих в ней.

Но при всей, казалось бы, простоте формирования корпоративной идентичности, нами выявлено, что исследовательские труды в изучении

проблемы формирования корпоративной идентичности через участие в спортивных событиях в различных организациях практически отсутствуют. Авторы такую проблему не поднимали, что и подтверждает актуальность исследования.

Нами предпринята попытка проанализировать формирование корпоративной идентичности на примере компании ООО «Газпром добыча Краснодар» средствами физической культуры и спорта.

ООО «Газпром добыча Краснодар» одно из старейших дочерних обществ Газпрома. Коллектив насчитывает более 3800 человек. Компания считает развитие физической культуры и спорта, оздоровление работников, формирование здорового образа жизни, гармоничное физическое воспитание здорового поколения одной из своих важнейших задач, решение которой требует комплексного программно-целевого подхода.

Основными направлениями работы ООО «Газпром добыча Краснодар» в формировании корпоративной идентичности и корпоративной культуры средствами физической культуры и спорта являются следующие:

1. Проведение спортивных товарищеских встреч между подразделениями компании выполняет еще и несет психотерапевтическую функцию: снятие психического напряжения, которое возникает в период напряженной совместной трудовой деятельности. Спортивное противоборство способствует, с одной стороны самоутверждению сотрудников организации, а с другой – минимизации аффективных зарядов, неизбежно возникающих в совместной работе. Таким образом нивелируется один из факторов возникновения стрессовых состояний. В этих соревнованиях принимают участие и руководители филиалов, что позволяет сотрудникам психологически раскрепоститься, чувствуя себя «на равных» с руководством.

2. Организация и проведение детских спартакиад несет в себе чувство переживания и сопереживания, эмоциональный всплеск, чувство причастности детей сотрудников к компании как равноправных членов команды. Данное направление является одним из сильнейших факторов формирования корпоративной идентичности.

3. Проведение компанией ежегодных туристских слетов с участием 400-500 человек одновременно, способствует:

- усилению ингруппового фаворитизма, за счет открытого проявления предпочтения своей группе;

- психологическому раскрытию своего «Я», позволяющему снимать механизмы психологической защиты через коммуникативную аутентичность, когда говорящий излагает то, что он думает на самом деле;

- возможности проявить физические и психологические возможности, скрытые в личности;

- получению положительных переживаний от ухода от урбанистической агрессивной среды города и другую энергетически комфортную сре-

ду, которая соответствует глубинному бессознательному переживанию целостности человека с природой.

Таким образом, через совместная спортивная активность формирует корпоративную идентичность компании. Корпоративная культура компании и ее корпоративная идентичность служит образованию коллективного субъекта с помощью ценностного поля, которым выступает спортивное движение. Такое движение должно происходить только комплексно и непрерывно [3].

Сегодня корпоративная идентичность ООО «Газпром добыча Краснодар» – такое же конкурентное преимущество, как передовые технологии или современное оборудование, а энергичные, сильные, здоровые работники – главное богатство компании, залог стабильного будущего.

Однако, для понимания феномена корпоративной идентичности и ее следствия образования коллективного субъекта необходим более развернутый эмпирический поиск значимости различных факторов в формировании процесса идентичности. Необходим подбор валидных операциональных методик по измерению выявленных факторов с целью повышения уровня корпоративной идентичности компании средствами спортивно-оздоровительной деятельности. В этих целях действенным может оказаться изучение опыта корпоративной идентичности крупных компаний, работающих в смежных отраслях, таких как ОАО «Лукойл», ПАО «Татнефть», ОАО НК «Роснефть» и другие.

Дальнейшее изучение проблемы актуально с точки зрения более эффективного функционирования коллективного субъекта как залога успешного испытания в конкурентном позиционировании на экономическом рынке.

Библиографический список

1. Воеводина О. А. Корпоративная идентификация компании. Корпоративная идентификация и репутация. – М. : Сибирский Федеральный Университет. Институт управления бизнес-процессами и экономики. URL: <http://econf.rae.ru/pdf/2013/10/2836.pdf>
2. Куракина Е. Корпоративная идентификация и репутация. URL:http://iteam.ru/publications/marketing/section_49/article_2232
3. Скворцова Т., Стернин И. О корпоративной идентичности / Центр коммуникативных технологий "ПРОПАГАНДА". URL:http://www.rusconsult.ru/common/news/news_304.html
4. Харрисон Ш. Связи с общественностью: Вводный курс / пер. с англ.; под ред. Г. Е. Алпатов. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2003. – 368 с.
5. Харшак Дмитрий. Символы в корпоративном дизайне и имидже. URL: <http://delib.narod.ru/harshak1.htm>
6. Официальный сайт ООО «Газпром добыча Краснодар» URL: <http://krasnodar-dobycha.gazprom.ru>

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
13–14 мая 2016 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2016 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2016 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2016 г.	Реклама в современном мире: история, теория и практика
25–26 мая 2016 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2016 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2016 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы

7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexin Services за 2015 г. – 1,09, • General Impact Factor за 2015 г. – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,22, • Research Bible за 2015 г. – 0,781, • РИНЦ за 2014 г. – 0,312.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Branch of the Military Academy of Communications in Krasnodar
Tashkent Islamic University
Penza State University

CULTURE, CIVILIZATION, SOCIETY: PARADIGMS OF RESEARCH AND TRENDS IN INTERACTION

Materials of the II international scientific conference
on April 28–29, 2016

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 10.05.2016
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 4,14.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz